

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

И Воеводы Ивана Грозного

Предтечи
Российской
империи

Забывшие страницы
ратной славы

Меж крымской
саблей и опричной
плахой

Д.М. ВОЛОДИХИН

Дмитрий Михайлович Володихин
Воеводы Ивана Грозного
Серия «Тайны Земли Русской»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=442705
Воеводы Ивана Грозного: Вече; М.: 2009
ISBN 978-5-9533-3665-9

Аннотация

Эти люди сражались за Отечество, когда на свете еще не было Российской империи. Московское государство вело тяжелые войны и на западе, в Ливонских землях, и на юге – с Астраханским и Крымским ханствами... Воеводы эпохи Ивана Грозного не писали мемуаров, оставшись великими немymi русской истории. Эта книга возвращает нам имена незаслуженно забытой военной элиты, честно исполнившей долг, невзирая на смертельную опасность окончить свои дни не только на поле битвы, но и на плахе опричников.

Содержание

Великие немые русской истории	4
«Первейший муж, наиболее пригодный для военных дел». Князь Дмитрий Иванович Хворостинин	6
Молодость полководца	9
Полоцкая гроза	12
В опричнине	16
Битва у Молодей[8]	19
Ливонский фронт	22
При новом государе	26
Полководец одной победы. Князь Иван Петрович Шуйский	32
Род полководцев и правителей	33
Отец и сын	36
Восхождение	38
Псковский триумф	46
Падение	58
Столп царства. Князь Иван Фёдорович Мстиславский	60
Гедиминович	61
Молодость	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Дмитрий Володихин

Воеводы Ивана Грозного

Великие немые русской истории

Русские полководцы времен Московского царства безгласны. В подавляющем большинстве случаев неизвестны какие-либо документы, написанные ими, послания, тем более – мемуары. В допетровскую эпоху мемуаров не писали. Лишь один из русских военачальников XVI века, Михаил Андреевич Безнин, оказывается за пределами этого ряда. Он оставил краткий летописец, где рассказывает о важных обстоятельствах политической жизни России, намекая на свое в них участие – как первого лица, как персоны, достойной памяти потомков. Его же перу предположительно принадлежит сочинение о взятии Полоцка в 1563 г., – этот текст попал в большую государственную летопись, где имя автора, конечно, не указано... Но и тут честолюбивый Михаил Андреевич постарался – хотя бы косвенно! – показать собственные заслуги перед государем и отечеством. Что ж, ему повезло. Он действительно остался в истории, хотя имя его не является бессмысленным набором букв лишь для специалистов по грозненскому периоду. Притом Безнин был, мягко говоря, второстепенной фигурой. Что ж говорить о других? Они не были летописцами. Они не были публицистами. Они не писали воинских повестей.

Они только сражались за отечество.

Образованный командир времен Российской империи мог оставить обширные записки о походах и сражениях, в которых он принимал участие. Более того, если он стал заметной фигурой, то непременно сыщутся рассказы о нем, написанные современниками. Историк найдет в источниках «крылатые выражения» полководца, сможет реконструировать его тактический стиль, создать у читателей представление о его психологических особенностях. И на страницах биографии заиграет всеми красками жизни давно почивший в Бозе человек, он будет понятен, он будет интересен, всякий сможет его судьбу примерить к своей, в его характере и темпераменте увидеть отражение собственного жизненного опыта. Есть ли что-нибудь, столь же сильно разжигающее интерес к личности, как сопереживание? Единственная фраза, оброненная в сердцах, мимоходом, делает в умах отдаленных потомков дурную или добрую репутацию покойному генералу! И она, эта фраза, или, скажем, какой-нибудь резкий поворот в судьбе, жест, каприз, минутное геройство, изящная похвала современника ложатся на сердце легче и вернее завоевывают себе место в нем, чем выигранное сражение, взятая крепость, удачный поход.

Так вот, воеводам Московского государства в памяти нашего народа оставлено ничтожно мало места. Отчего это произошло? Да именно по причине их безгласности. Ни дневников, ни летописей, ни писем, ничего... Изредка – одиночное послание. Или яркая фраза, донесенная иностранцем. Или суровый приговор, вынесенный государем. Вот и всё. Наш современник скучает над популярными биографиями командиров великой эпохи, поскольку видит в их судьбах пустыню психологии.

Рядом с ними рокочат державные публицисты, иронизируют оппозиционеры, бьются насмерть церковные полемисты... Вот где жизнь! Вот где самый нерв ее! Иван Грозный, да князь Курбский, да Иван Пересветов, да преподобный Максим Грек, да еще несколько человек величием своей мысли заслоняют прочих. Что тут поделаешь, такова сила слова, сказанного талантливым человеком: всё, сложенное из дикого камня на века, разрушается, а невесомая консистенция слова живет. Шагнешь из сферы, наполненной чудесной музыкой слова, в сторону, сделаешь всего-то один шагжок, и разум глохнет от молчания. Вот стре-

лецкая пехота зажигает фитили, вот волнуется перед атакой легкая дворянская конница, вот пушкари примериваются, как бы получше положить ядро в железное каре вражеских наемников, а под знаменем, подбоченясь, возвышается в седле воевода, умный, отважный, искусный в своем деле человек, но... молчит. Он великий молчальник. Его слова когда-то двигали грозные массы русской армии в бой, но не попали они на бумагу, и ушли, стало быть, из памяти народной. Ах, как жалко...

Среди полководцев пылающей грозненской эры есть личности, переворачивавшие ход истории. Но о них мало кто помнит, помимо профессиональных историков. Человек нашего времени, пусть даже и большой любитель отечественной истории, не стремится протянуть меж ними и собой душевную связь. Он просто не видит, к чему, к кому он мог бы обратить мысли и чувства. Вот – список походов, где участвовал такой-то. Вот – реконструкция главной его победы. А где тут человек? Человека нет, человека очень мало, и сердцу не за что зацепиться.

Все, чего я хочу от этой книги – вытащить на свет божий личности русских полководцев. Да, рассказать о битвах русской армии. Да, поговорить о стратегии и тактике. Но, помимо всего этого, представить, насколько это возможно, по крупницам, по ничтожным крупичкам собрав сведения о персонах воевод, *их характеры*. Людей. Именно людей, достойных сопереживания, а не реестры военных достижений.

«Первейший муж, наиболее пригодный для военных дел». Князь Дмитрий Иванович Хворостинин

Понятия «военный талант», «слава искусного полководца» в разное время наполняли разным смыслом. Для времен раннего Средневековья, домонгольского периода, исключительно важной была личная храбрость князя – предводителя дружины. В период петербургской империи и СССР, скорее, талант военачальника определяли по его тактическим способностям, реже – по способностям стратегическим. Между этими двумя эпохами лежит героическое время, когда создавалась Россия. При великом князе московском Иване III (1462—1505) на месте лоскутного одеяла самостоятельных русских земель и княжеств возникло единое Московское государство. Оно просуществовало около двухсот лет, прошло полосу реформ при Петре I (1689—1725) и превратилось в Российскую империю. На протяжении этих двух столетий страна постоянно воевала, порой – на нескольких фронтах одновременно. Трудно отыскать хотя бы один мирный год...

Иван III. Портрет из «Царского титулярника» (XVII век)

Имена воевод Московского государства известны историкам по летописям и старинным грамотам. Но, кажется, их современникам, людям русского Средневековья, было незнакомы понятия «воинская слава», «триумф полководца»... Их заменяло словосочетание «государева служба». Не слава была важна, а то, исполнена ли «приказанная» служба, и если да, то насколько полно. Про старомосковского воеводу неуместно говорить «знаменитый». Скорее, «искусный», «преданный государю», «стойкий». В конце XV – начале XVI века – страна взрывообразно расширялась. Тогда появилась целая плеяда полководцев, получивших опыт в наступательных войнах. Маневренная, атакующая тактика была их стилем. Блестящими практиками этого стиля были князья Даниил Холмский и Даниил Щеня, а также московский боярин Юрий Захарьин (Юрий Захарьевич). Позднее, во второй половине XVI века, Московское государство перешло к обороне своих бесконечных границ. И тогда в воеводах стали в большей степени ценить стойкость, способность успешно отбивать пре-

восходящие силы неприятеля. Успешно справлялись с этими задачами князь Иван Шуйский и Михаил Воротынский. Между тем для России именно тогда открылись просторы Сибири, и туда устремились многочисленные «русские конкистадоры». Первым и, наверное, самым известным из них был казачий атаман Ермак. Наконец, XVII столетие блистает именем князя Дмитрия Пожарского, освободителя Москвы от польских интервентов в эпоху Смуты. Очень трудно выделить среди множества «служилых людей по отечеству» человека, очевидно превосходившего других полководческим дарованием. Удобнее всего положиться в этом вопросе на внешнего наблюдателя, не связанного русскими нравами и обычаями того времени.

В 1588—1589 гг. Московское государство посетил Джильс Флетчер, посол английской королевы Елизаветы I. Впоследствии он написал трактат «О государстве Русском», где подробно описал состояние России тех времен. Флетчер встретил холодный прием и был настроен по отношению к «Московии» отрицательно, почти враждебно. Кроме того, известно, что английский посол собирал информацию о стране разными способами, в том числе и конфиденциальными. Особенно его интересовала русская армия: ее численность, вооружение, полководцы... В той части трактата, где речь идет о вооруженных силах государей московских, Флетчер деловит, сух, точен, беспощаден к недостаткам военного дела в России и внимателен к его достоинствам. Англичанин перечисляет аристократические роды, из которых обыкновенно назначают главных воевод, но лишь один человек удостоивается пристального внимания: «...теперь у них первейший муж, наиболее пригодный для военных дел, некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, воин старый и опытный. Он оказал большие услуги в войнах с татарами и поляками...»

И действительно, Дмитрий Хворостинин был настоящей военной звездой в России XVI столетия. Главная его заслуга перед страной – победа в жестоком и кровавом сражении у деревни Молоди в 1572 г. Именно за это он остался в памяти потомков. Но личный триумф Хворостинина наступил лишь через два десятилетия после памятно молодинской победы, да и вся его жизнь с молодых ногтей прошла в битвах и походах. Это был истинный человек войны, для нее рожденный и живший ею.

Молодость полководца

Дмитрий Иванович родился в 30х гг. XVI века, точная дата рождения неизвестна. Осенью 1550 г. вышел указ о пожаловании поместьями под Москвой 1078 служилых людей. Князь должен был по роду и положению своему туда попасть, если бы подходил по возрасту, а служить тогда начинали лет с пятнадцати; но его имени нет в «Тысячной книге» – списке этих помещиков. Следовательно, он родился не ранее 1535 г. Список людей, имевших служебное отношение к Государеву двору, – «Дворовая тетрадь» – составлен был, скорее всего, в 1551 или 1552 г. и оставался действующим документом, куда заносили новые имена на протяжении 50х гг. Дмитрий Иванович в нем числится. К тому же по второй половине 50х известны первые его воеводские службы. Исходя из этого, можно предположить, что князь родился, скорее всего, между 1535 и 1540 гг.

По роду своему он принадлежал к младшей ветви Ярославского княжеского дома. Хворостинины не были «захудалым» родом, однако же не блистали ни особой знатностью, ни большими богатствами, ни значительными заслугами на государевой службе. В среде многочисленной старомосковской служилой аристократии они были «средняками». Между тем в XVI—XVII столетиях знатность рода много значила при назначении на военные должности. Это и понятно: в состав высшей старомосковской аристократии вошли тогда и боярские роды, вот уже несколько столетий верно служившие князьям московским, и княжеские роды из присоединенных к Москве русских земель, и беглые князья из «Литовской Руси», и служилые татарские царевичи... Если бы не была создана система местничества, о которой сейчас принято говорить как о сугубом зле, то все эти знатные люди то и дело устраивали бы усобицы и перевороты, споря за место у кормила власти. Сложная система местнических счетов иной раз приносила немалый вред. Однако она худо-бедно примиряла служилых аристократов, определяла, кому на какой должностной уровень можно претендовать. Местничество фактически спасло Московское государство от тяжелых внутренних войн, борьбы всех против всех.

Что же касается Дмитрия Хворостинина, то ему, по местническим счетам, подняться до высших постов было очень трудно. Его ожидало медленное и трудное возвышение...

Впрочем, не были Хворостинины и «бедными родственниками» в среде русской служилой аристократии. Отец четырех братьев – Дмитрия, Андрея, Петра и Федора – князь Иван Михайлович Хворостинин известен в разрядах еще со второй половины 1530х гг., где он фигурирует с довольно скромными служебными назначениями. Положение его в армии постепенно улучшается. К первой половине 60х, после нескольких десятилетий ратной работы, он выслужил думный чин окольного. В 1564 г. он упоминается в последний раз: из действующих воевод и, надо полагать, из Думы, он выбыл, – скорее всего, из-за возраста¹. Перед его сыновьями стоял добрый пример отца: аристократа-воина, долгой честной службой вырвавшего у судьбы высокий чин. Примерно такая же биография ожидала лучших из них... Если бы не воинский талант, дарованный Богом Дмитрию Ивановичу и позволивший ему подняться значительно выше отца.

С чего начинал Дмитрий Иванович? С понимания того, что он сам своей судьбе хозяин. Род не располагал сколько-нибудь значительными вотчинами, к тому же землю отца пришлось поделить между четверьмя сыновьями, и каждому досталось совсем уж немного.

¹ Хворостинины были отдаленными родственниками Курбских. В апреле 1564 г. князь Андрей Курбский перебежал к литовцам. Но вряд ли из-за семейной связи с ним «выбыли» из Думы князя Ивана Михайловича Хворостинина: слишком уж далеко их родовые ветви разошлись друг от друга.

Есть известия, что братья жестоко ссорились между собой за землю. Таким образом, только служба могла дать молодому человеку его положения высокий статус в обществе.

Лет в пятнадцать юноша обязан был впрячься в государеву службу, начав с самых простых рядовых должностей. В молодости князь служил по Коломне и Белой (1550е гг.) – там у него были поместья, очевидно, незначительные. О карьере князя известно мало, а воинские документы того времени – «разряды» – впервые сообщают о Дмитрие Ивановиче под 1558 г. К тому времени Хворостинин добился уже определенного положения: его назначили воеводой в небольшую южную крепостицу Шацк, построенную всего пятью годами раньше. Этой службе, вероятно, предшествовали более низкие воинские посты, но о них источники того времени никакой информации не донесли.

Что такое воевода в Шацке? Очень рискованная работа. От большого набега крымских татар стены этого юного укрепления не спасли бы: такие городки брали и палили мимоходом. Зато подобные крепостицы идеально годились на роль опорных баз для сторожевых отрядов и для отпора небольшим татарским бандам, приходившим на Русь, чтобы захватывать рабов. Князю Хворостинину досталась беспокойная, опасная и очень нужная для России служба.

В одном из более поздних походов русской армии на юг мы видим Дмитрия Ивановича головой (должность рангом ниже воеводской). Затем, в конце 1559 или 1560 г., его ненадолго ставят во главе гарнизона Нижнего Новгорода – это уже очевидное повышение по сравнению с Шацком.

В течение десятилетия разряды и летописи XVI столетия скупо освещают биографию князя Хворостинина. Как и все воины московских государей того времени, он мало походил на жирных одутловатых бояр из старых советских фильмов. Служить приходилось постоянно, большая часть жизни «служилых людей по отечеству» проходила в дальних городах, в разъездах, стычках с неприятелем и больших сражениях. Не столь уж многие доживали до старости. В Московском государстве любили и уважали дородных людей, но, видимо, – как большую редкость. Ведь дворяне были в большинстве своем поджары, вроде хороших гончих псов, подвижны, неутомимы и невероятно выносливы.

Хворостинин дрался на двух «фронтах». То его отправляли возглавлять небольшие отряды на южную, степную границу, и там он участвовал в маневренных «играх» со стремительной и хищной крымской конницей. А ежегодные татарские набеги нависали в ту пору смертельной угрозой над русским югом... То Дмитрий Иванович получал назначение в походе против западных соседей – шведов, литовцев и поляков. В 1558 г. как раз началась двадцатипятилетняя Ливонская война за Прибалтику, в которой Россия принимала участие с переменным успехом...

Русские войска в Ливонии.

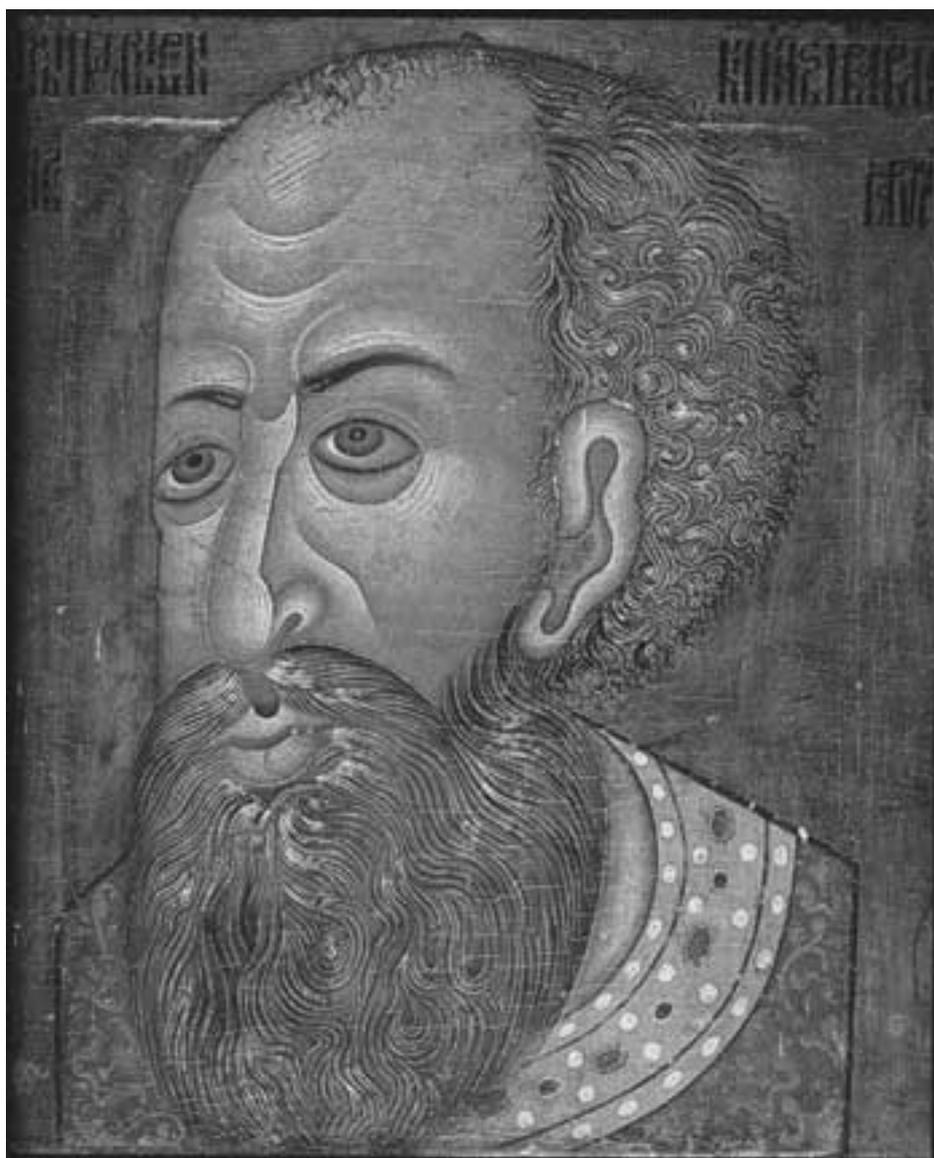
Осенью 1561 г. он выступил вместе с отрядом из Алыста в роли головы при воеводе кн. В.М. Глинском. Отряд вошел в состав большой рати, отправленной против «ливонских немцев». Но летом 1562 г. он вновь на юге – участвует в отражении крымцев под Мценском.

Пока он никому не известен и ничем не выделяется из общей массы младших воевод Московского государства, коим счет шел на десятки и сотни.

Полоцкая гроза

Первый взлет в его карьере связан с событиями зимы 1562—1563 гг. Московское государство совершило тогда одно из звездных деяний в своей военной истории.

К тому времени Ливонская война осложнилась: против России выступил новый сильный и могущественный противник – Польско-Литовское государство. Иван IV планировал нанести ему сокрушительный удар и вывести таким образом из войны. Осенью 1562 г. он начал готовить масштабное вторжение на земли Литвы. Рать собиралась по полкам в 17 городах, не считая сил, которые вышли с царем из самой Москвы. Столичная рать выступила 30 ноября.

Иван IV Грозный. Парсуна.

На 5 января был назначен общий сбор всех сил в Великих Луках. Дисциплина и организованность русского войска в те годы стояли на высоком уровне, и огромная армия действительно собралась перед литовским рубежом в один день. Это образец гибкости и сла-

женности военной машины Московского государства, удивительный даже для последующих столетий.

На протяжении четырех дней в Великих Луках формировались из отдельных отрядов полки, назначались воеводы, определялся маршрут и порядок движения. Для того чтобы избежать дорожных заторов, полкам велено было выходить из города с интервалом в один день. У русского командования за период без малого 11 лет, прошедших со времен Казанского взятия 1552 г., не было иного опыта в управлении столь значительными полевыми армиями. Поэтому, когда наша армия выступила из Великих Лук (9 января), движение все-таки совершалось медленно, то и дело возникали «пробки».

Роль боевого ядра играла дворянская конница, казаки и отряды стрельцов. Вместе они составляли около 35—40 тысяч бойцов. К ним надо добавить значительное количество вооруженных боевых холопов, следовавших на конях за дворянами. Их количество неизвестно. К ним надо добавить очень значительный «наряд» – войсковые «средние» и «легкие» орудия, а также артиллерию «главного удара» – мощные осадные пушки. Но помимо весьма значительного боевого элемента армия оказалась нагружена колоссальными «кошами»-обозами и многотысячной «посохой». Так именовали в XVI веке слабоорганизованные толпы людей, привлеченных для инженерных работ: мощения мостов, создания осадных приспособлений и переноски грузов. Эта толпа и создала главные сложности при движении войска.

Однако, преодолев наиболее сложный участок маршрута, 31 января войска Ивана IV прибыли под Полоцк, и военачальники принялись разводить полки по позициям, добиваясь максимально плотного обложения города.

Полоцк славился мощными стенами. Цитадель его стояла на холме и была с двух сторон защищена реками. Польско-литовский гарнизон во главе со Станиславом Довойной насчитывал до 2000 бойцов, настроенных отстаивать город до последней крайности, ему оказывала поддержку часть горожан. Полоцк также располагал солидным артиллерийским арсеналом. Таким образом, он не был легкой добычей. Особенно когда на фланге русских войск появился легкий неприятельский корпус, направленный в поддержку осажденным...

В то же время Полоцк представлял собой желанное приобретение. Богатый торгово-ремесленный центр, бывшая столица самостоятельного княжества, Полоцк к тому же оказался в центре конфессионального конфликта. Католичество, радикальные формы протестантизма и традиционное православие сошлись тут в долгом противоборстве. Наступление русской армии имело образ «крестового похода», направленного на восстановление позиций православия в Полоцке.

Этот «крепкий орешек» был разгрызен удивительно быстро: 15 февраля, всего через две недели после начала осады, город пал. Решающую роль тут сыграла русская осадная артиллерия, прибывшая через неделю после начала боевых действий. Ее огонь сокрушил полоцкие укрепления.

Однако не обошлось без нескольких столкновений между гарнизоном и полками Ивана Грозного. 5 февраля стрельцы впервые попытались ворваться на стены и даже имели успех на одном участке. Но основные силы не получили приказа к общему штурму, поэтому стрелецкий отряд принужден был отступить. 9 февраля Станислав Довойна приказал своим войскам оставить Великий посад, составлявший большую часть города, и, запалив его, перейти в Верхний замок – полоцкую цитадель. Жителей посада принялись насильственно «забивать» туда, а пламя должно было расчистить место для действия крепостной артиллерии и стрелков. К тому же захват Великого посада отдавал русским полкам в руки богатейшую добычу, и начальник гарнизона предпочел предать ее огню.

Вот здесь-то и появляется князь Д.И. Хворостинин.

В походе он играл скромную роль войскового головы в государевом полку. Ему надлежало «за государем ездить» во главе небольшого отряда из 200 дворян. Рядом и отец его, Иван Михайлович, в чине окольного следовавший в свите государя. Пока войско шло к Полоцку, Хворостинин должен был разбираться с заторами, продвигая по забитой людьми и повозками дороге полковые обозы. 30 ноября 1562 г. его поставили в боевое охранение во главе заставы на том месте, где на следующий день разместится царская ставка.

Именно на его долю выпало главное столкновение с гарнизоном Полоцка – бой за горящий Великий посад.

Летопись рассказывает о действиях Дмитрия Ивановича 9 февраля следующее: «Стрельцы царева и великого князя и боярские люди и казаки в острог вошли... и с ляхи начали биться», стремясь отбить посадское имущество. Тогда «...царь и великий князь для того дела послал из своего полку голов, а велел тех людей... побережи... из острогу выслати». Острогом летопись называет посадские стены. Головы из государева двора и были – князя Дмитрий Иванович Хворостинин и Дмитрий Федорович Овчинин. Они действовали в высшей степени удачно: «...ляхов в остроге потоптали и в город вбили, а государских людей отвели здорово. А которые люди Полоцкого повета сельские сидели в остроге, и те в город не пошли, а вышли в государский полки и воеводские полки...»² Один государев двор принял более 11 000 русских беженцев из горящего Полоцка.

После падения Полоцка Хворостинин одним из первых вошел в Верхний замок и оставался там на «боевом дежурстве».

По всей видимости, Иван IV именно тогда отметил храброго и расторопного воеводу. Вообще, Полоцкий поход 1562—1563 гг. стал важной рода ступенькой для карьеры многих честолюбивых военачальников, оказавшихся впоследствии в опричнине. Царь много раз выходил в дальние походы, но до учреждения опричнины он лишь дважды узнал вкус большой победы: в Казани и в Полоцке. Боевые действия под Казанью не оставили в памяти Ивана IV впечатления триумфа. Руководили войсками воеводы из числа знатнейших людей России, и они все делали по-своему, не церемонясь с молодым государем. Казанская победа была на всю жизнь отравлена для Ивана Васильевича ощущением, что он сыграл роль марионетки в чужих руках. Под Полоцком ему было уже не двадцать два года, а тридцать три, и он стал полновластным распорядителем. Полоцкое взятие в значительной степени его заслуга – как полководца. Люди, отличившиеся под Полоцком, показавшие себя в деле или хотя бы вовремя попавшие царю на глаза, оказались на особом счету. Ведь именно с ними оказались связаны лучшие воспоминания в его жизни!

Очевидно, и Дмитрия Ивановича царь не забыл. Через несколько месяцев князь получил от государя ответственное поручение. Оно стало в какой-то степени и проверкой «на политическую благонадежность».

Опальный вельможа князь Д.И. Курлятев-Оболенский содержался в Рождественском монастыре на острове Коневец посреди Ладожского озера. Он принадлежал к кружку правительственных деятелей, который позднее был назван в сочинениях Андрея Курбского «Избранной радой». В ту пору он считался одним из вершителей судеб всей страны. Позднее, потеряв прежнее влияние, князь пытался пересечь литовский рубеж и стать перебежчиком в стан врага, но был арестован. Через несколько лет этот план будет выполнен другим служилым аристократом – тем самым князем А.М. Курбским... В 1563 г. расследование деятельности Курлятева привело царя к печальному выводу: его следовало перевезти к месту более строгого заключения. Для этой работы требовалась надежная охрана. У Курлятева хватало доброхотов, способных организовать побег. На роль главы «конвоя» избран был Хворостинин, справившийся с этим заданием. Подобного рода надежность дорого стоила в глазах

² Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 310.

Ивана IV: в те годы постепенно разгорался конфликт между ним и гордой служилой знатью. Царь чувствовал, что почва у него под ногами колеблется. Он имел основания сомневаться в ком угодно, вплоть до самых близких людей.

Дмитрий Иванович не подвел.

Он вообще был вроде хорошо скованного меча – не подводил тех, кому служил.

В том же году князь получил первое в своей жизни назначение на должность полкового воеводы. Его расписали вторым воеводой сторожевого полка в армии, собравшейся у Великих Лук «по вестям». А на следующий год Дмитрий Иванович отправился уже первым воеводой большого полка, т. е. командующим всей рати, с небольшим корпусом поддержки к недавно завоеванному Полоцку.³

³ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. II, Ч. I. С. 144, 163.

В опричнине

В 1565 г. царь Иван IV разделил Московское государство на две части: земщину и опричнину. Каждая из частей имела собственное войско, собственную администрацию и собственный двор. В опричнине полномочным, ничем не ограниченным правителем стал сам царь. Земщина оказалась объектом репрессий: важнейшая из целей, которые преследовал Иван IV, состояла в наделении конфискованным земельным фондом дворян из опричного войска. Другой целью стало устранение от власти людей, сопротивлявшихся его политическому курсу, прежде всего гордых и самовластных представителей богатейших и знатнейших княжеских родов. А «устранение» могло означать и лишение жизни... Царь стремился получить легко управляемую армию, с командным составом, куда входили бы лишь преданные ему люди. Не принадлежавший к высшему эшелону служилой аристократии Хворостинин попал в число опричных воевод и получил шанс на быстрое возвышение. Следовательно, царь доверял ему и считал способным военачальником.

Действительно, в середине 60х гг. карьера князя пошла в гору. Ему доверяли высокие должности. Первое опричное воеводское назначение он получил как раз осенью 1565 г., в корпусе, отправленном из Москвы под Болхов, против крымцев. Весь этот корпус состоял из одних опричных отрядов. По данным историка В.В. Каргалова, за храбрость в боях с крымцами у Болхова Дмитрий Иванович награжден был золотой монетой⁴. Разрядные документы говорят об ином: золотые монеты были отправлены из Москвы в награду воеводам из земщины, получал ли их кто-либо из опричных военачальников, неизвестно. Впоследствии Дмитрий Иванович командовал полками в разных опричных походах (в частности, возглавил сторожевой полк в походах под Калугу 1567 и 1569 гг.). Наконец, ему доверили командовать небольшой ратью, отправленной зимой 1567—1568 гг. под Великие Луки «по вестям» о подходе неприятельских отрядов.⁵

С 1569 г. он упоминается в документах как окольный чин – второй по значению «думный» чин после боярского. Это – свидетельство признания его заслуг.

Весной 1570 г. Хворостинин то ли возглавлял гарнизон в Зарайске, где был мощный каменный кремль (стены сохранились до наших дней), то ли был вторым воеводой сторожевого отряда опричников. Этот отряд был выдвинут после того, как командование русской армии получило известие о набеге крымского хана Девлет-Гирея. Документы не дают возможности четко сказать, какой именно пост занимал тогда Дмитрий Иванович. Во всяком случае, воеводство в сильной Зарайской крепости считалось бы намного более почетным, нежели в захолустном Шацке.

Именно там, под Зарайском, князь Хворостинин с помощником Федором Львовым 21 мая 1570 г. вышел против войска крымцев и разгромил неприятеля наголову⁶. Полководец обеспечил себе преимущество, напав неожиданно, среди ночи. Его отрядом были взяты пленники. Вражеское войско угоняло в рабство множество русских людей, и их удалось отбить. Это была первая самостоятельная победа Хворостинина. И единственный крупный боевой успех, добытый опричным корпусом без поддержки земских ратей.

Хворостинин показал, таким образом, что он, как тактик, тяготеет к атакующему стилю, характерному для «железных волков» Ивана Великого.

Через несколько месяцев Дмитрию Ивановичу доверят опричный отряд, выставленный «по вестям» «на Рязани».

⁴ Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. С. 311.

⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 242

⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 256.

В 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей с большой ордой прорвался через заслоны на южной границе, дошел до Москвы, ограбил пригороды и поджег сам город. В колоссальном пожаре исчезла почти вся столица государства. Неудачные действия полков на степном рубеже обернулись настоящей военной катастрофой. Это неудивительно. В годы опричнины казнили множество опытных военачальников, разделение российских вооруженных сил на опричное войско и земское усложняло координацию общих действий. Кроме того, силы державы истощила тяжелая Ливонская война...

Не умея взять город, Девлет-Гирей велел запалить его. Он намеревался разграбить все, что не смогут защитить русские воеводы, занятые тушением пожара. Татары подожгли сначала царскую летнюю резиденцию в Коломенском, а на следующий день – московские посады. Пожар обернулся огненной бурей, настоящим бедствием. Результат превзошел все ожидания хана. Огонь стремительно и неотвратно убивал город. Земские ратники и незначительный опричный отряд оставались в Москве. Не покидая позиций, они перемогались с крымцами среди пылающих улиц. Тогда погиб боярин Михаил Иванович Вороний-Волынский и раненый князь Бельский, а также множество наших воинов. Девлет-Гирей так и не смог занять город. Ужаснувшись зрелищем разбушевавшейся стихии, понеся значительные потери, татары отошли прочь, прихватив с собой трофеи и полон. К тому времени в русской столице армии уже не было – лишь несколько сотен чудом уцелевших дворян...

У нас нет надежных данных ни о населении Москвы в XVI столетии, ни о потерях, нанесенных русской столице в несчастный год Девлет-Гиреева нашествия. Но записки иностранцев, побывавших в Москве тогда или несколькими годами позднее, дают общее представление о масштабах катастрофы.

Вот письмо неизвестного англичанина, ставшего свидетелем событий 1571 г.: «12 мая в день Вознесения крымский хан пришел к городу Москве с более чем 120 тысячами конных и вооруженных людей⁷. Так как царские воеводы и воины были в других городах как охрана, а москвичи не приготовлены, то названные татары зажгли город, пригороды и оба замка. Все деревянные строения, какие там находились, были обращены в пепел, и я убежден, что Содом и Гоморра не были истреблены в столь короткое время... Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, без ветра, но когда начался пожар, то поднялась буря с таким шумом, как будто обрушилось небо, и с такими страшными последствиями, что люди гибли в домах и на улицах... На расстоянии 20 миль в окружности погибло множество народа, бежавшего в город и замки, и пригороды, где все дома и улицы были так полны народа, что некуда было притесниться; и все они погибли от огня, за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, которые искали спасение через стены, к реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены... Большое число (людей) сгорело в погребах и церквях. Среди них, между прочим, 30 человек в погребах Английской компании, из них трое служителей сэра Томаса Бентама; умерли также Томас Филд, Джон Уересли, ремесленники Томас Чефи, Томас Карвер, аптекарь и некоторые другие... Это великое и ужасное и внезапное разрушение, постигшее москвитян, сопровождалось сильной невиданной бурей, а под конец погода снова прояснилась и стала тихой, так что люди могли ходить и видеть великое множество трупов людей и лошадей, не говоря уже о тех, которые обращены были в пепел. Молю Бога не видеть впредь подобного зрелища. В ночь после того, как собака-татарин учинил это злодейство, он бежал со всею ратью к реке Оке... Число погибших при разорении Москвы показывают такое громадное, что я не решаюсь передать его. Скажу только, что из окрестностей Москвы на 60 миль и более и восьми человекам не удалось спастись в городе... В два месяца едва ли будет возможно очистить от человеческих и лошадиных

⁷ По общему мнению специалистов, эта цифра завышена.

трупов город, в котором остались теперь одни стены, да там и сям каменные дома, словно головки водосточной трубы...»

Вот известие из Польши (лето 1571 г.): «...прибыл татарский посол с сообщением о поражении, нанесенном Московиту, чтобы получить дань, и говорил следующее: что они разорили, сожгли и разграбили (территорию) около 60 лиг в длину и 45 в ширину во владениях Московита; что мертвыми пало, может быть, около 60 тысяч (людей) того и другого пола; затем взято около 60 тысяч лучших пленных; что они (татары) дошли до Москвы, сожгли весь город и замок, куда собралось много народу и, должно быть, задохнулись в дыму; что около 120 штук пушек утонули в реке Москве, не могли их увезти; что Московит удалился в Александрову слободу, отстоящую на 18 миль, и остался там у своей казны в весьма безопасном месте, так как там находится большое озеро, окружающее его...»

Для Дмитрия Ивановича прорыв Девлет-Гирея означал и великое горе, и серьезную остановку в карьерном росте.

В огромной армии, выставленной для обороны от Девлет-Гирея весной 1571 г., князь Хворостинин числился третьим воеводой передового полка. Отряд из трехсот бойцов с немцем-опричником Генрихом Штаденем во главе входил в состав этого полка. Штаден, не получив соответствующего приказа, ринулся на татарскую орду, переправившуюся через Оку, и в скоротечном бою положил все три сотни. Хворостинин считал необходимым отступить и сберечь людей от боя, в котором они были обречены на поражение, но сделать уже ничего не мог.

Большая часть опричного корпуса бежала, даже не вступив в сражение с татарами, за Москву, а оттуда к Ростову. В сражении за столицу участвовал лишь несчастный передовой полк, где и служил Хворостинин. Воеводе повезло уцелеть.

Но царь считал главными виновниками московского разгрома именно опричных воевод передового и сторожевого полков, обвиняя их в том, что они не сумели наладить сторожевую и разведывательную службу. Отчасти это было правдой: во главе передового полка стоял крещеный кабардинский царевич М.Т.Черкасский, поставленный на эту должность в большей степени по знатности рода и родству с самим царем, чем по способностям и боевым заслугам... Его и подвергли казни вместе со вторым воеводой – князем В.И. Темкиным-Ростовским, а также вторым воеводой сторожевого полка боярином В.П. Яковлевым. Иван IV не усмотрел в действиях Дмитрия Ивановича столь серьезной вины, чтобы и его отправить на тот свет вместе с этими военачальниками. Но совершенно невиновным также не считал. Поэтому в следующем большом походе, зимой 1571—1572 гг., его поставили на должность с заметным понижением – всего лишь третьим воеводой сторожевого полка.

Таким образом, большой карьеры в опричнине князь Хворостинин не сделал. Да, он получил думный чин окольничего. Но его воеводские назначения показывают одно: царь постоянно использует его как искусного и надежного военачальника на ответственных участках, но возвышать в армейской иерархии не спешит. Распространенное мнение о взлете семейства Хворостининых в годы опричнины верно лишь отчасти.

Битва у Молодей⁸

Положение страны было отчаянным. Повторение похода крымцев грозило России гибелью и распадом.

В 1572 г. Девлет-Гирей, собрав, по подсчетам разных историков, от 40 000 до 100 000 воинов вышел к русским границам с твердым намерением довершить начатое в прошлом году дело до конца. А в распоряжении Ивана IV оставалось не столь уж много сил.

Русское военное командование объединило земскую и опричную рати. «Большим» (т. е. главным) государевым воеводой назначили князя Михаила Воротынского. В передовом полку вторым воеводой шел князь Дмитрий Хворостинин. На него пришлась главная тяжесть битвы, состоявшейся у деревни Молоди. Тогда и пришел звездный час воеводы Хворостинина. Именно он становится главным помощником Воротынского, а не первый воевода передового полка, князь Андрей Петрович Хованский. Именно Дмитрию Ивановичу дают наиболее ответственные поручения, надеясь на его опыт и искусство. Именно его имя ставят русские летописи рядом с именем Воротынского, повествуя о великой победе, хотя в объединенной опрично-земской армии числилось несколько воевод более высокого ранга.

Русская армия уступала противнику по численности в несколько раз и насчитывала немногим более 20 000 человек. Когда татары переходили через Оку недалеко от Серпухова, Хворостинин не имел достаточно сил, чтобы сорвать переправу. Из передового полка, объединявшего около 4,5 тысячи дворян, казаков, иностранных наемников и стрельцов, ему подчинялось всего лишь 950 бойцов⁹. Он отступил, однако затем передовой полк с Хованским и Хворостининым во главе нагнал стремительно идущего к Москве неприятеля и нанес ряд чувствительных ударов по обозу и арьергардным отрядам Девлет-Гирея.¹⁰

30 июля 1572 г. в полусотне верст от Москвы произошло решающее столкновение.

Роль центра русской позиции сыграл «гуляй-город», развернутый на холме у речки Рожай. Подобную тактику старомосковские воеводы в те времена часто применяли против татар, превосходивших их по численности. «Гуляй-город» представлял собой крепость из толстых деревянных щитов, перевозившихся на телегах. В случае опасности ее собирали воедино с необыкновенной быстротой. У Молодей в «гуляй-город» засел целый полк, самый сильный во всей русской армии. Другие полки прикрывали его с флангов и тыла, а заслон из стрельцов выдвинут был вперед. Обороной деревянной крепости руководил Хворостинин. В войске было полным-полно воевод выше его рангом, но на самое ответственное и самое опасное место Воротынский поставил именно его. О чем это говорит? Выдающиеся способности Дмитрия Ивановича к тому времени стали очевидны для военной элиты России. А когда надо было победить или погибнуть, смотрели не на знатность, а на воинский талант. На Молодях как раз наступил такой «момент истины» – как для всей военной системы московского государства, так и лично для князя Хворостинина.

При первом штурме русской позиции татарская конница разметала стрельцов, но у «гуляй-города» встретила плотный ружейно-пушечный огонь и понесла страшные потери. Русская дворянская кавалерия удачно контратаковала по флангам. Повторные атаки также не принесли успеха Девлет-Гирею. Мало того, попал в плен крупный татарский военачальник Дивей-мурза, погибло несколько знатных командиров... Вечером 30 июля попытки штур-

⁸ Более подробно о битве у Молодей рассказывается в очерке о кн. М.И. Воротынском.

⁹ Документы о сражении при Молодях / Подготовил В.И. Буганов // Исторический архив. М., 1959. Вып. 4. С. 176.

¹⁰ В дальнейшем участие кн. А.П. Хованского в боевых действиях не упоминается. То ли Воротынский не видел в нем надежного военачальника, то ли он был ранен в одной из первых стычек.

мовать «гуляй-город» прекратились. Однако, по словам немца-опричника Генриха Штадена, современника и, по всей видимости, участника молодинской битвы, положение русских полков также было тяжелым. Над осажденными в «гуляй-городе» нависла угроза голода.

До 2 августа крымцы приводили в порядок растрепанное войско, подсчитывали потери, сосредотачивались для нового удара. Затем началось очередное наступление на «гуляй-город». Татары шли вперед с отчаянной храбростью, не боясь потерь и упорно преодолевая огневой шквал со стороны русских полков. Смельчаки прыгали на деревянные щиты, пытаясь повалить их, забраться внутрь, открыть дорогу для стремительной конной атаки. Бойцы Хворостинина во множестве отсекали им руки саблями и топорами. Бой шел с невиданным ожесточением. Упорная оборона «гуляй-города» раз за разом приносила русским успех...

Пользуясь удачным моментом, Воротынский зашел Девлет-Гирею в тыл с основными силами. Пока совершался этот маневр, сравнительно небольшой отряд под командой князя Хворостинина продолжал сдерживать натиск атакующих в «гуляй-городе». Вечером, когда напор крымцев ослаб, Хворостинин открыл огонь из всех орудий и пошел на вылазку с отрядом немецких наемников ротмистра Юрия Францбека. Он многим рисковал: если бы Воротынский не успел вовремя обрушиться на татар с тыла, вылазка могла стоить Дмитрию Ивановичу жизни, а всей русской армии – проигранной битвы. Но Воротынский в нужное время поддержал контратаку Хворостинина. Зажатые с двух сторон, татары потерпели сокрушительное поражение и обратились в бегство.

В страшной сече полегла родня Девлет-Гирея, нашли свою смерть многие мурзы и прочая татарская знать. К тому же хан получил известия о подходе главных сил русских. Орда отступила. Русские воеводы организовали преследование и разгром отдельных отрядов.

В исторической литературе не раз высказывалось мнение, согласно которому победа в молодинской битве была достигнута в основном усилиями Хворостинина. Известный советский историк Руслан Скрынников выразил это мнение в наиболее четкой форме: «Согласно укоренившейся традиции славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе князю М.И. Воротынскому. Подобное мнение кажется неверным. Назначение Воротынского главнокомандующим объясняется отнюдь не особыми военными дарованиями или заслугами удельного князя, а в первую очередь его знатностью. Подлинным героем сражения при деревне Молоди был не он, а молодой опричный воевода князь Д.И. Хворостинин...»¹¹ Другой специалист по военной истории, Вадим Каргалов, осторожно поддержал эту точку зрения: «...Даже если это преувеличение, важная роль опричного воеводы Хворостинина... несомненна. Военный авторитет его необычайно высок. Он выдвигается в первый ряд русских полководцев...»¹². Трудно определить, насколько верно подобное мнение. С одной стороны, Михаил Воротынский – опытный военачальник. Помимо молодинской битвы на его счету несколько других значительных заслуг. Он удачно действовал во время осады и штурма Казани в 1552 г.; на протяжении нескольких лет возглавлял всю оборону юга России; в 1571 г. разработал «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», который считается первым воинским уставом в нашей стране. По свидетельству современника, князь Воротынский был «муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный». Он намного превосходил Хворостинина знатностью рода и богатством. От этого, собственно, и пострадал: через год после победы, одержанной совместно с Хворостининым, он попал в опалу, был обвинен в колдовстве. Воротынский гордо отрицал свою вину и умер от пыток. По предположениям некоторым историков, царя Ивана IV беспокоило растущее влияние и авторитет

¹¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 450.

¹² Каргалов В.В. Полководцы... С. 314.

Воротынского, иные считают, что князь допустил какое-то служебное нарушение¹³... С другой стороны, в ходе битвы у Молодей на Дмитрия Хворостинина действительно возложены были самые сложные задачи; их отличное исполнение в конечном счете и привело к разгрому Девлет-Гирея. Видимо, правильным было бы считать обоих военачальников в равной степени творцами победы.

¹³ Подробнее см. в главе о кн. Воротынском.

Ливонский фронт

Опричная военная машина утратила доверие царя после сожжения Москвы крымцами. Она быстрыми темпами расформировывалась. Со второй половины 1571 г. опричные воеводы отправляются в походы в одних полках с земскими и даже у них под командой. А значит, Дмитрию Ивановичу предстояло вновь столкнуться с конкуренцией со стороны более знатных аристократов.

В опричнине он лишь раз оказался в состоянии местнического спора, да и то с самим главнокомандующим опричным корпусом – Иваном Дмитриевичем Колодкой Плещеевым, принадлежавшим всеильному клану Плещеевых. Теперь ему предстояло сталкиваться в больших местнических разбирательствах со многими великими родами титулованной знати. В 1572 г., пока Хворостинин по изложенным выше причинам ходил в низких воеводских чинах, ему это не грозило. Но как только он начнет получать самые скромные повышения по службе, эта угроза немедленно реализуется. Дмитрий Иванович – один из «рекордсменов» по части местнических дел. За период между 1573-м и началом 1590х гг. его имя связано с 22 местническими тяжбами! В среднем выходит примерно по одно разбирательству каждые 8 месяцев...

Ученым не известна точная дата отмены опричнины. Возможно, это был процесс, разделенный на несколько стадий. Опричное войско, как уже говорилось, перестало выполнять самостоятельные задачи уже в 1571 г. Тогда же правительство принялось возвращать владельцами поместья и вотчины, переведенные несколькими годами ранее в опричнину. Во второй половине 1572 г. вышел указ, запрещающий поминать опричные порядки. Таким образом, теперь к опричным временам стали относиться крайне отрицательно...

В результате на протяжении нескольких лет Хворостинину давали относительно невысокие должности. В 1573—1574 гг. на него была наложена опала. Хворостинин не смог прийти до отрядов восставшей на казанских землях «луговой черемисы» из-за «снегов великих», то ли просто опоздал к месту сбора войск. Иван IV снял его с командования, обрядил его в женское платье и заставил молоть муку, – дескать, не полководец этот Хворостинин, а суцая баба! Не вспомнил государь, как «баба» защищала Москву у Молодей с последней горстью боеспособных войск¹⁴... Тогда же Дмитрий Иванович проиграл местническое дело с князем Ф.М.Троекуровым, в 1577—1579 гг. Хворостинины понесли жесточайшее поражение в местническом деле с Бутурлиными. Самого князя Дмитрия за упорство в отстаивании интересов рода на неделю отправили в тюрьму и взыскали с него в пользу Ф.А. Бутурлина огромный по тем временам штраф – 150 рублей.

¹⁴ По другой версии, эпизод с восставшей «черемисой» и переодеванием относится к 1582 или 1583 г. Весной 1584 г. Хворостинин был на краткий срок резко понижен в чине.

Стефан Баторий. Портрет работы Яна Матейко.

Между 1573 и 1578 гг. карьера князя «замерзает». Дмитрий Иванович участвовал в дюжине походов. Его отправляли то на юг, против крымцев, то на ливонский фронт. Он видел победы русской армии – взятие Пайды и Кеси (Вендена), видел и поражение под Кольванью, потерю той же Кеси, неудачную попытку вернуть эту крепость... Сам удачно действовал против татар под Воскресенском. Но на протяжении всего этого периода ему ни разу не дали командовать не то что отдельной ратью, а хотя бы полком. Хворостинина все время расписывали вторым воеводой. В худшем случае – вторым в сторожевом полку, который был «честью ниже» прочих, в лучшем случае – в полку правой руки.

Летом 1578 г. дело дошло до обидной несправедливости. Хворостинина первый раз за много лет назначили командовать сторожевым полком. Не столь уж великое назначение! Он

участвовал в счастливом взятии ливонской крепости Полчев. Но из-за нового местнического спора – с князем М.В. Тюфякиным, который не пожелал быть под Хворостининым вторым воеводой, Дмитрий Иванович был отправлен из победоносной армии в Москву... Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вскоре половина воевод этой рати перемещается, и армия потерпит страшное поражение под Кесью, при очередной попытке вернуть город. Четверо наших воевод погибли, еще четверо оказались в плену, другие с позором бежали. А русские артиллеристы в отчаянии, не желая сдаваться, повесились на пушках, которые некому стало защищать от неприятеля.

Бог уберег Дмитрия Ивановича от этой беды.

Лишь в самом конце 70х – начале 80х он сделал скромный шагок наверх. Отчасти это связано с напряженной военной деятельностью, которую Хворостинин вел в тот период. Это был крайне несчастливый для русского оружия период. Русские армии понесли ряд поражений от шведских и польских войск, пали наши крепости Полоцк, Сокол, Великие Луки, Заволочье, Холм, Старая Русса, Нарва, Ивангород, Ям, Копорье. Страна истощила людские и материальные ресурсы в бесконечной Ливонской войне. Отчасти же царь вынужден был понемногу продвигать нелюбимого военачальника: командный состав русской армии понес в эти годы чудовищные потери, выбыли из строя десятки полководцев. Кем-то надо было затыкать дыры, постоянно возникавшие в русской обороне, и тут Дмитрий Иванович пришелся как никогда кстати. Как при Молодях. Когда надо было защищать гуляй-город от таранных ударов татарской конницы.

Хворостинин поднимается до положения второго воеводы в большом полку, т. е. основного помощника при главнокомандующем. В этой должности он был записан в разряде летом 1580 г., когда русская армия стояла у Ржевы Владимировой, защищая западные земли России от войск Стефана Батория, только что взявшего крепость Заволочье. Дмитрий Иванович был повышен до первого воеводы передового полка. Затем, в январе 1581 г., его переводят первым воеводой в Новгород Великий, а это уже на порядок более высокий пост.¹⁵

В том же 1580 г. князя поставили воеводой в Тарусу.

Весной 1581 г. большая русская армия выступила из Можайска на литовские земли. Она осуществила глубокий рейд и потрепала польско-литовские отряды. Разрядная запись рассказывает об этом походе следующее: «Воеводы ходили... под Дубровну, да к Орши, и у Орши посады пожгли, и под Копысью и под Шкловым. Из Шклова вылазили литовские люди. И на том деле убили воеводу Романа Дмитриевича Бутурлина... И у Могилева посады пожгли и много товаров поимали и людей побили и много полону поимали и сами вышли со всеми людьми на Смоленск, дал Бог, здорова»¹⁶. На фоне общего трагического положения на Ливонском фронте эта операция выглядит большим успехом.

Наградой для командного состава стали золотые монеты от государя.

В начале 80х Дмитрия Ивановича несколько раз отправляли на юг, для обороны русских городов от крымцев. Но его основная «боевая работа» совершалась все-таки на Ливонском театре военных действий. Московское государство почти утратило способность давать отпор. Шведы развивают успешное наступление, постепенно захватывая старинные новгородские земли.

В 1582 г. полки Ивана Грозного отправляются против осмелевших шведов на север, за Неву. Передовой полк, где старшим воеводой был Хворостинин, столкнулся с противником под селом Лялицами и опрокинул его. Еще раз можно убедиться в том, что Дмитрий Иванович любил атакующую тактику и высокую активность – прочие воеводы за ним не

¹⁵ Согласно одному разряду, Хворостинин был первым воеводой в Новгороде, а в соответствии с другим – первым лицом в отряде, отправленном на поддержку новгородского гарнизона.

¹⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 186.

успевали. Так, сражение у Лялиц происходило в основном за счет его полка, вырвавшегося вперед: «Божиею милостию и Пречистые Богородицы молением немецких людей побили и языки многие поймали. И было дело: наперед передовому полку – князю Дмитрию Ивановичу Хворостинину да думному дворянину Михаилу Андреевичу Безнину, – и пособил им большой полк, а иные воеводы к бою не успели... И государь послал к воеводам с золотыми»¹⁷. Эта оплеуха показала: Россия еще способна сопротивляться!

Ливонская война постепенно отгорала. Начались переговоры с польским и шведским королями, и для русских воевод настала пора переходить с одного театра военных действий на другой. Лучшие военачальники отправляются на «замирение черемисы», поднявшей восстание на казанских землях, да на южную «береговую службу».

Осенью 1582 г. Хворостинин идет вторым воеводой большого полка «на Казань... горной черемисы воевать, что черемиса заворовалась». На следующий год он получает назначение к южным рубежам. В январе 1584 г. Дмитрию Ивановичу дали под команду полк правой руки в армии, отправленной против бунтовавшей «луговой черемисы» в казанской земле.

Двенадцать лет, прожитые им после Молодей, до отказа наполнены были сражениями и походами. Один только список боевых действий, в которых участвовал тогда Хворостинин, вызывает мысль, что он работал на износ, как безотказная военная машина. Хворостинин воюет из год в год, причём на самых ответственных и опасных участках. Даже для тех служилых аристократов, которые прочно вошли в военную элиту России и связали свою жизнь не с Боярской думой и не с управлением приказными делами, а именно с военной службой, «график назначений» Дмитрия Ивановича выглядит необыкновенно жестким.

Как видно, князь относился к той драгоценной породе русских людей, которая способна была, взвалив большое дело себе на хребтину, волочь его до полного исполнения, не щадя сил и не прося поблажек. Эти-то и поднимали великие царства. Отвагою своей, выносливостью, превосходящей всякое вероятие, и чудовищной энергией в деле.

Иван Грозный, как уже говорилось, относился к службе бессменного «командарма» без особой благодарности. В марте 1584 г. государь Иван Васильевич скончался. На закате жизни он сдал полякам и шведам русские завоевания в Ливонии и даже отрезал в их пользу большой кусок русской территории с городами и крепостями.

¹⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 210.

При новом государе

При его преемнике военную деятельность князя Хворостинина оценили по достоинству. Царь Фёдор Иванович пожаловал князю высший «дворовый» (т. е. придворный) чин боярина, дававший право участвовать вместе со всей Боярской думой в обсуждении важнейших государственных дел. Да и в воеводских чинах Дмитрий Иванович при новом царе продвинулся весьма высоко.

Фёдор I Иоаннович. Парсуна.

Правда, действительные и ясные заслуги перед Россией, показанные на поле боя, сыграли тут не первую роль. Признание и возвышение Хворостинина при Фёдоре Ивановиче связано с тонким обстоятельством семейных связей. Вся русская служилая аристократия пронизана была нитями родства, игравшими роль самых прочных скреп. Родство делало человеку карьеру, оно же могло и погубить его, когда высокопоставленная родня попадала в опалу, а то и на плаху.

Так вот, князь Дмитрий Иванович Хворостинин приходился родней Годуновым: его дочь вышла замуж за Степана Степановича Годунова. А Борис Фёдорович Годунов – шурином самому царю. Именно он стоял за спиной Фёдора Ивановича, в течение полутора десятилетий удерживая под своим контролем кормило высшей власти в Московском государстве. Царствовал сын Ивана Грозного, но правил Борис Годунов.

Хворостинины стали верными сторонниками придворной «партии» Годуновых, им поручались ответственные дела, они участвовали в борьбе с главными врагами Годуновых – Шуйскими. И невенчаный монарх Борис Фёдорович отвечал Хворостининым милостями и «жалованием». Как пишет историк А.П. Павлов, «...Хворостинины постоянно служат при дворе, упоминаются на званных царских обедах, участвуют во многих крупных походах».¹⁸

Для начала Дмитрию Ивановичу был дарован высший думный чин боярина, давно «оплаченный» бесконечными службами. Воевода постепенно оказывается крупным землевладельцем. За ним и его сыновьями по документам конца XVI – начала XVII столетия числятся многие тысячи четвертей земли.

И, конечно, Дмитрий Иванович резко идет вверх в армейской иерархии. Он становится крупнейшей фигурой в организации обороны степных окраин Московского государства от бандитских нападений татар.

В конце 1584 г. его назначили первым воеводой большого полка в трехполковой рати, отправленной к Рязани. Однако в командование он вступил не сразу – первое время его замещал другой военачальник, князь Василий Фёдорович Жировой-Засекин. Документы того времени глухо сообщают: Хворостинин «прислал к государю... бить челом, сказался болен». Это случай для русской армейской жизни крайне редкий, а для безотказного Дмитрия Ивановича и вовсе странный. Ведь он должен был радоваться подобному повышению по службе... Одно из двух: либо он и впрямь слег – ведь самый крепкий человек с трудом выдержит тот бешеный «режим эксплуатации», в котором жил воевода; либо мутная политическая обстановка в Москве требовала постоянного присутствия Дмитрия Ивановича, и он решил пожертвовать столь высокой честью ради более важных вещей.

Видимо, всему виной была именно хворь: через полгода, в июле 1585го, Хворостинин оказывается все-таки во главе этой рати и совершает бросок под Шацк «по ногайским вестям». Тогда он фактически оказался командующим оборонительными силами юга России.

Играть эту высокую роль ему придется и позднее.

Так, весной 1587 г. в Москве становится известно, что орда крымского хана двинулась для вторжения в порубежные земли Московского государства. Навстречу ей двинули значительные силы, разошедшиеся по городам и крепостям. А затем, в конце мая, три полка ударных сил отправились под командой князя Д.И. Хворостинина в район Тулы. Через месяц крымцы общей численностью в 40 000 рискнули прорываться в районе Кропивны, взяли острог, однако до большого вторжения дело не дошло. Объединенные силы русской армии сконцентрировались у Тулы, угрожая неприятелю. Был там и Дмитрий Иванович – как первый воевода передового полка при главнокомандующем Иване Васильевиче Годунове, род-

¹⁸ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 42.

ственнике некоронованного правителя страны. Татары побоялись тогда прямого столкновения и отошли.

Осенью 1587 г. и весной 1588го Дмитрий Иванович выходит с войсками для обороны южнорусских земель в высоких воеводских чинах. На него то и дело «бьют челом» иные служилые аристократы, добиваясь местнического суда. Наконец в марте 1588 г. он сам в ярости обвиняет князя Кашина в «бесчестии». Тот сидел воеводой в Новосильской крепости и жаловался, что-де родовая честь ему не велит подчиняться Хворостинину – одному из двух главных воевод в оборонительном корпусе на юге России...¹⁹ Несмотря на челобитья недоброжелателей, положение Хворостинина при дворе остается прочным. В октябре и ноябре того же года царь Фёдор Иванович приглашает его к себе на почетный пир, и это знак большого благоволения государя к полководцу.

Юхан III, король Швеции.

А весной 1589 г. воеводу опять отправляют на юг.

¹⁹ Тогда этот корпус возглавляли князь Тимофей Романович Трубецкой и Дмитрий Иванович Хворостинин. Трубецкой был знатнее, Хворостинин опытнее, но именно против Хворостинина возвышали голос воеводы южных крепостей – Кашин в Новосиле, Хилков в Орле и Салтыков в Белёве.

Таким образом, с 1585 по 1589 г. Дмитрий Иванович постоянно занимается одним делом: налаживанием надежной охраны городов, поставленных в лесостепной полосе России, на беспокойных южных рубежах. За это время ни крымцы, ни ногайцы ни разу не смогли прорваться к центральным областям иди даже создать серьезную угрозу прорыва.

Россия жила в те годы предчувствием новых больших войн с западными соседями. Большого столкновения с Речью Посполитой – Польско-Литовским государством – в Москве не хотели. Конфликт с нею вновь привел бы к затяжной тяжелой борьбе: пересечение самых прямых интересов двух великих держав Восточной Европы на границе между русским Смоленском и литовским Полоцком неизменно наполняло войны между ними невиданным ожесточением и упорством. В Шведском королевстве видели менее серьезного противника. Да и не была конфигурация восточных рубежей жизненно важной проблемой для Стокгольма. Проблема состояла в том, что шведской короной владел Юхан III, а польской... его сын Сигизмунд. И отец ждал от своего отпрыска широкой военной поддержки. А сын мог запросить таковую у отца – в случае серьезных осложнений с Московским государством.

Спасение русской дипломатии состояло лишь в одном: давным-давно польские монархи утратили значение истинных правителей страны. Важнейшие дела решала магнатерия, опиравшаяся на многочисленную и своевольную шляхту. А они не желали нового столкновения с Россией. Поэтому, когда срок русско-шведского перемирия истек, два давних недруга нашей страны не сумели объединиться.

Разразилась война за русские города и земли, потерянные Московским государством еще при Иване Грозном. Наша армия действовала в целом удачно и смогла вернуть многое из утраченного. Именно тогда Хворостинин выиграл последнее свое большое сражение.

Сигизмунд I, король Польский и великий князь Литовский.

В августе 1589 г. он идет вторым воеводой большого полка в Новгород Великий, где армия сосредотачивается для большого наступления. Через несколько месяцев в штаб прибывают царь Фёдор Иванович и Борис Годунов. Крупная операция готовится долго и тщательно, силы стягиваются со всей России. Хворостинина, зная его наступательный стиль, расписывают в передовой полк. Лишь в январе войска выступают из Новгорода и пересекают русско-шведскую границу. За краткое время они берут Ям и оказываются под Нарвой. Хворостинин обнаруживает в районе Ивангорода четырехтысячный шведский корпус и нападает на него. Полку Дмитрия Ивановича пришлось преодолеть упорное сопротивление шведов. Рубка шла полдня. В конце концов противник отступил. Это была вершина военных успехов князя Хворостинина.

Несколько месяцев спустя военные действия затихли. Плотная блокада Нарвы, и особенно сокрушительное действие нашей артиллерии, привели шведский гарнизон в отчаянное положение. Остатки полевого шведского корпуса, разбитого у Ивангорода, не могли помочь осажденным, поскольку этому препятствовал сильный русский отряд, выставленный в «заслон». Там-то и действовал князь Хворостинин.

В результате было заключено перемирие, выгодное для русской стороны: у шведов оставалась Нарва, но они отдавали, помимо уже захваченного нашими воеводами Яма, также Ивангород и Копорье.

На этом война еще не закончилась. Дальнейшее ее развитие привело только к горшему для шведов результату: в 1595 г., когда заключался Тязинский мир между Россией и Швецией, они должны были присоединить к потерянным ранее городам еще и Корелу с уездом... Однако Дмитрий Иванович об окончательной победе России уже не узнал. Его служба завершилась в феврале 1590 г., когда под Нарвой было заключено первое перемирие.

Старый воевода устал от нескончаемых военных трудов и принял монашеский постриг в Троице-Сергиевой обители. Старость и недуги одолевали его тело, изношенное в походах и сражениях. Ивангородская победа стала «прощальным поклоном» московского «командарма». 7 августа 1590 г. Дмитрия Ивановича Хворостинина не стало.

Этот старомосковский военачальник был в числе блистательных полководцев героической и жуткой эпохи Ивана Грозного, отстаивавших завоевания предков государя и вернувших в царствование Фёдора Ивановича то, что было потеряно его отцом. И для князя Хворостинина, и для других «больших государевых воевод» того времени лучшей эпитафией будут слова: «Служили честно!».

Полководец одной победы. Князь Иван Петрович Шуйский

Князь Иван Петрович Шуйский вошел в анналы русской истории одной-единственной победой, отстояв Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория.

Да, эта победа была очень нужна России. Да, она в трудное время ободрила русское воинство, павшее духом после нескольких лет тяжелых поражений. Да, под стенами Пскова было предотвращено вторжения польских орд в центральные районы Московского государства. Но при всем том не надо забывать, что прежде псковской победы и после нее Иван Петрович отдал немало сил службе московским государям. Множество походов и боев, в которых он принял участие, сделали его одним из опытнейших военачальников того времени.

Род полководцев и правителей

По роду своему он принадлежал к аристократической верхушке старомосковского общества, к тем же «сливкам» русской титулованной знати, что и Мстиславские, Микулинские или Воротынские.

Князья Шуйские были Рюриковичами, и происходили они от ветви, ближайшей к той, из которой выросло древо Московского правящего дома. Кое в чем они оказались даже выше, нежели государи, которым служил их род. Корнями родословие Шуйских уходило к великому князю владимирскому Андрею Ярославичу. Он приходился *младшим* братом великому князю Александру Ярославичу, прозванному Невским (а именно от Александра Невского произошел Московский княжеский дом). Но на великокняжеский стол во Владимире князь Андрей попал *раньше* старшего брата – в 1248 г. – и правил до 1252 г., когда на его месте оказался Александр Ярославич.

Происходя от одного корня с великими князьями московскими, Шуйские, в случае смерти всех представителей правящей династии, имели право занять трон. Иными словами, играли роль «принцев крови». Поэтому после смерти царя Фёдора Ивановича в 1598 г. они оказались в числе главных претендентов на царский венец и активно боролись за него на протяжении Смуты.

Две основные линии Шуйских восходят к Василию Кирдяпе и его брату Семену – сыновьям одного из величайших политиков Северо-Восточной Руси XIV столетия, великого князя Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского²⁰. Еще в первой половине XV века их предки сохраняли положение независимых правителей. Затем они попали в зависимость от Москвы, став «служилыми князьями», но все еще «ставились» московскими великими князьями на управление старинными родовыми землями – Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом. Там у них сохранились огромные вотчины. В 50 – 70х гг. XV столетия князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский помимо воли московских государей и по приглашению вечевых республик княжил во Пскове и Новгороде Великом. Он даже участвовал в войнах новгородцев против Москвы. Но в целом семейство к концу XV века перешло на службу к московским государям.

При Иване III Великом и его сыне Василии III из этого рода рекрутировались дипломаты, наместники и воеводы. Со стороны великих князей московских им оказывалось большое доверие. В 1512 г. князь Василий Васильевич Шуйский входит в Боярскую думу с чином боярина. Более того, этот видный политик породнился с правящей династией, женившись на внучке Ивана III. Иными словами, великие амбиции потомков суздальских правителей не мешали им быть прочной опорой Московского государства.

Князья Шуйские при Иване IV имели чрезвычайно высокий статус, да и позднее сохраняли его – вплоть до восшествия на престол государя Василия Ивановича из их рода, процарствовавшего с 1606 по 1610 г. Они всегда были у кормила важнейших политических дел. Они неизменно присутствовали в Боярской думе. В конце 30х – начале 40х гг. установился даже период «шуйского царства»: при малолетнем государе Иване IV придворная партия Шуйских полностью захватила власть в стране и могла даже самовольно свергать Московских митрополитов ... Затем доминирующее положение было ими потеряно, однако прочные позиции на высших этажах власти все-таки сохранились. В зрелые годы первый русский царь не любил и опасался Шуйских, но от их службы отказываться не собирался.

²⁰ Прямой потомок великого князя Андрея Ярославича. Сам Дмитрий Константинович дважды ненадолго занимал владимирский великокняжеский стол.

За Шуйскими в популярной исторической литературе утвердилось недоброе имя слава дворцовых интриганов, лукавых и себялюбивых вельмож. В них многие видели и до сих пор видят вечных зачинщиков «боярской фронды». Людей, метавшихся между стремлением ослабить русского монарха и самим захватить монарший трон.

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Парсуна.

Это мнение однобоко. Да, конечно, Шуйские просто по положению своему должны были участвовать в интригах у подножия российского трона. Там, на высоте власти, слабые и бездеятельные личности не задерживались надолго. А многочисленное могучее семейство Шуйских оставалось на высшем этаже отечественной политики в течение века. Однако следовало бы обратить внимание и на другое обстоятельство. Шуйские превосходно проявили

себя в служебной деятельности. Из них выходили энергичные администраторы, искусные и отважные воеводы. Во времена Ивана Грозного помимо князя Ивана Петровича Шуйского в армейскую элиту Московского государства входили также князь Иван Андреевич, Иван Михайлович и Петр Иванович Шуйские, а также их ближайший родственник князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский. *Это была семья «командармов»*. На Шуйских легло тяжкое бремя постоянного участия в военных предприятиях России. Они свое высокое положение «отслужили» полностью. Убери их деятельный клан из командного состава вооруженных сил нашей страны, и сейчас же образуется громадная брешь, которую очень трудно закрыть. А в эпоху русской Смуты начала XVII века именно из этого семейства вышел знаменитый полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Точную характеристику положения Шуйских при повзрослевшем Иване Грозном дал историк Г.В. Абрамович: «В малолетство Ивана IV Шуйские в роли регентов стояли во главе Русского государства. Этот период их деятельности, весьма противоречиво освещенный источниками, требует особенно тщательного исследования. Последующая история рода примечательна тем, что, лишившись задолго до опричнины, в результате припадка ярости тринадцатилетнего Ивана IV, одного из своих представителей – Андрея Михайловича²¹, в дальнейшем, на протяжении всего царствования Грозного, род Шуйских, в отличие от всех других княжеских родов России, даже в разгар опричного террора не потерял ни одного человека. Этот факт находится в полном противоречии с той демонстративной ненавистью, которой пропитаны обвинения Грозного в адрес Шуйских в его послании к князю Андрею Курбскому. А ведь именно им придают такое большое значение историки, исследующие царствование Ивана IV. Напротив, как бы в опровержение этих обвинений, Шуйские на протяжении всего царствования Грозного входили в состав Боярской Думы и занимали самые высокие посты в наместничествах и воеводствах».²²

²¹ Дело, быть может, не в «припадке ярости», а в придворной борьбе: иные дворцовые партии смогли поколебать положение Шуйских, направив на представителя их рода гнев государя-отрока.

²² Абрамович Г.В. Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 4.

Отец и сын

Дед князя И.П. Шуйского, Иван Васильевич, был видным воеводой, наместничал в разных городах, заслужил боярский чин.

Его отпрыск Петр Иванович появляется в источниках под 1539 г. на скромном посту головы в оборонительном походе русской армии под Коломну. В период «шуйского царства» он становится серьезной фигурой (хоть и молодой человек), – не зря в 1545 г., когда период господства Шуйских минул, на Петра Ивановича была наложена монаршая опала... Впрочем, из числа опальных он быстро выбыл: уже в 1547 г. князь получает воеводское назначение, затем становится наместником во Пскове, выполняет такие поручения царя, которые говорят об очень высокой степени доверия. Немудрено, что в 1550 г. Петр Иванович становится боярином, добыв, таким образом, высший чин в московской служебной иерархии. В 50х гг. он сыграл ключевую роль в завоевании Казанской земли и усмирении первых мятежей против русской власти. На протяжении нескольких лет Петр Иванович был главным управителем всех казанских и «черемисских» дел. В первые годы Ливонской войны он играет роль одного из ведущих полководцев на этом театре военных действий. В 1558 г. Петр Иванович возглавляет русскую армию в Ливонии, берет города, действует в высшей степени удачно. Именно он взял Юрьев. За это князь и младшие воеводы удаиваются от Ивана IV «великого жалования». Осенью 1558 г. царь принял их в Троице-Сергиевой обители. Там он «... жаловал их любовными и приветными словесы... их праведную прямую службу похваляя и жалование великое им обещая, и велел им ехать за собою в село свое в слободу Александровскую. И в слободе государь бояр и всех воевод пожаловал шубами и кубки и аргамаки и кони и доспехи давал им и землями и кормлением их довольно пожаловал, и во всем им свое великое жалование показал»²³. Долгое время Петр Иванович является ближайшим помощником другого крупного военачальника – князя Ивана Федоровича Мстиславского. Во время взятия Полоцка в 1563 г. Петр Иванович был вторым воеводой большого полка и, следовательно, на правах своей высокой должности входил в состав штаба победоносной армии. Затем он был оставлен командовать гарнизоном полоцкой крепости. К несчастью, блестящая его карьера закончилась трагически. В 1564 г., наступая на Оршу, московские полки подверглись страшному разгрому у селения Чашники. Иван Петрович был тогда главнокомандующим. Поражение покрыло позором его имя: Иван Петрович, сбитый с коня, «... з дела пеш утек и пришел в литовскую деревню; и тут мужики его ограбя и в воду посадили»²⁴ ... Однако это бесчестие никак не лишает князя славы всех предыдущих его побед.

Таким образом, будущий защитник Пскова имел в лице деда и отца двух выдающихся военачальников своего времени. Ему было у кого поучиться воинскому искусству: ближайшая родня всю жизнь воевала и управляла людьми... Это очень важно для понимания того, как складывалась его личность. В XVI веке не существовало каких-либо военных училищ. Ни средних, ни высших. Подавно, и речи не шло о создании какой-нибудь академии генштаба. Главной школой полководца оказывалась его собственная семья. Чем выше стояли родственники в военной иерархии, тем больше он мог получить от них тактического и стратегического опыта с верхних эшелонов командования. Они обороняли крепости – значит, и он мог узнать от них, как надо оборонять крепости. Они били врага в чистом поле – так и ему доставались знания о том, как бить врага в чистом поле. С этой точки зрения, род Шуйских представлял собой лучшую академию из всех возможных в России того времени.

²³ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 274.

²⁴ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 190.

Опричники. Худочник Н.В. Неврев.

Иван Петрович, как и Хворостинин, записан в «Дворовую Тетрадь» (как дворовый сын боярский по Суздалью), но не попал в «Тысячную книгу»²⁵. Первые его службы известны по 1562 г. Это может свидетельствовать о том, что родился он, скорее всего, где-то между 1536 и 1545 гг. Точнее определить трудно: даже у тех, кто был в XVI столетии крупнейшими фигурами в русской политике или военном деле, даты рождения в большинстве случаев неизвестны.

Сам Иван Петрович начинал службу, как и отец, на относительно скромных должностях.

В полоцком походе 1562—1563 гг. он всего-навсего один из знатных людей в свите государя. Честь без власти.

В конце 1568-го или начале 1569 г. он уже назначается на воеводство в Донков, одну из небольших крепостей на юге России. Такая же крепостица на пути у хищной степной конницы, такой же маленький гарнизон, как и в Шацке, где начиналась карьера великого Хворостинина. Все сходится. Два маршрута славных русских воевод XVI века на первых порах имеют немало сходства. Школа военачальника по нормам, принятым в Московском государстве, включала в себя тяготы «армейской лямки» на нижних уровнях военной иерархии. «Пускай его потужит...» Для всех. В том числе и для самых родовитых персон.

Но только на первых порах...

Только в молодости.

²⁵ О том, что такое «Тысячная книга» и «Дворовая тетрадь», рассказывается в биографическом очерке о князе Дмитрие Ивановиче Хворостинине.

Восхождение

Князь Шуйский по рождению своему мог претендовать на то, что князь Хворостинин должен был вырывать у судьбы долгой, честной, отважной службой. Один из них входил в узенький слой высшей русской аристократии, те несколько десятков родов, которые имели право занимать лучшие военные, административные и придворные должности в Московском государстве. Другой по крови чуть-чуть не дотягивал до высшего уровня знатности. Эта дистанция, на первый взгляд незначительная, сыграла в судьбе двух блистательных «командармов» ключевую роль. Опричнина стала нарушением сложившегося порядка вещей, и она сошла на нет, не принеся добра, мало выведя к вершинам военной иерархии достойных и талантливых людей. Того же Хворостинина она «подкинула» не столь уж высоко... Но вместе с ее исчезновением для людей, не связанных со знатнейшими родами, уменьшилась возможность обходить глыбу высшей аристократии. Немногих царь мог приблизить к себе и дать высокий чин, если они происходили не то чтобы из «худородных людишек», а хотя бы из «аристократии второго ранга», – вроде тех же князей Хворостининых, Охлябининых, Телятевских, или же представителей знатных, но захудалых боярских семейств Москвы.

У Хворостинина, несмотря на его очевидный воинский талант и не менее очевидные боевые заслуги, служба на вторых ролях могла тянуться десятилетиями. Шуйский достиг высоких чинов почти сразу. Таков был обычай того времени: знатнейшему человеку давали понюхать пороху на должности в свите, сопровождавшей государя во время больших походов, – например, рынды (телохранителя-оруженосца), поддатни (помощника рынды) или иного свитского человека; затем выдерживали недолгое время в простых воеводских чинах, чтобы он мог примерить на себя тяготы военной работы, и если армейская карьера манила его, то дальше он получал только первостепенно важные посты.

Замок Каркус (Каркси). Фото конца XX века.

Так было и в судьбе Ивана Петровича.

Для карьеры ему не понадобилась опричнина. Князья Шуйские прекрасно чувствовали себя и в земщине. Правда, один из них, князь Иван Андреевич, решил упрочить положение рода, женив сына Дмитрия на дочери Малюты Скуратова – большого царского любимца, пономаря в опричном «Слободском ордене». Под занавес опричнины и сам Иван Андреевич оказался в числе опричных бояр. Но всё остальное семейство Шуйских оставалось в земщине. Возможно, тут сыграла роль лукавая предусмотрительность. В иные годы опасность представляла опричнина, и пребывание вне ее могло привести к потере статуса; в другие же становилось опасно оказаться *внутри* опричнины. Так вот, Шуйские, как видно, решили сохранить семейство при любых обстоятельствах: если одна ветвь его будет истреблена или попадет в опалу, то другая сохранит жизнь, власть, влияние... Род, так или иначе, выживет и продолжится.

Во-первых, уже в 1569—1570 гг., оставшись на второй год воеводой в захолустанном Донкове, Иван Петрович получил право возглавить трехполковую оборонительную рать против крымских татар. Во-вторых, в следующем, несчастливом для русской армии 1571 г., когда Девлет-Гирей прорвался к Москве, Шуйский командовал полком левой руки. После отхода крымцев ему доверили сторожевой полк, сведенный из остатков московских войск. Для того, чтобы вести своих людей, князю требовалось тогда страшное напряжение воли: в горящей столице погиб его младший брат.

В августе 1572 г. вооруженные силы России проводили большую оборонительную операцию против того же Девлет-Гирея, окончившуюся поражением татар у Молодей. Тогда Шуйский вновь был поставлен во главе сторожевого полка. Весь полк насчитывал 2063 бойца – «детей боярских и казаков с пищальми». В прямом и непосредственном подчинении у Ивана Петровича находилось около 960 человек – примерно столько же, сколько было и у Хворостинина в те дни... С той лишь разницей, что Шуйский получил под команду такой отряд всего-то после трех неполных лет службы в воеводских чинах.

Первой бой с крымцами принял у Сенькина Брода именно Шуйский. Впоследствии воевода со своим полком участвовал в больших боях, обороняя гуляй-город. Именно бойцы его полка взяли тогда в плен лучшего татарского полководца – Дивей-мурзу.²⁶

Что произошло в судьбе князя? Он дважды подвергся самому серьезному испытанию на прочность изо всех возможных. Он дрался в двух баталиях, где не о чести и не о добыче приходилось думать, а только о сохранении жизни. Враг смертельный, беспощадный, настроенный на уничтожение русских полков, отчасти преуспевший в этом, бился против ратников Шуйского, против него самого глаза в глаза.

После двух таких встрясок Иван Петрович должен был считаться человеком, сведущим в военных делах и отважным. В 70х г. ему жалуются чин боярина. По одним данным, это произошло в 1572 г., по другим – в 1576 м.

После взятия Полоцка русское наступление на западных рубежах остановилось. Победы первых лет войны не получили достойного продолжения.

В середине 1570х гг. Иван Грозный пытается изменить ситуацию на Ливонском фронте личным участием в наступательных операциях. Так, в конце 1572 г. (опричнины к тому времени уже и след простыл) царь идет с большой армией под Пайду и берет ее в январе 1573го, обновив, таким образом, старые лавры покорителя Полоцка. Шуйский участвует в походе на той же должности – первым воеводой сторожевого полка. Тогда же он принимает участие в другой победоносной операции – взятии Каркуса; в ней русские войска соседствуют

²⁶ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 192. Подробнее о битве у Молодей рассказывается в очерке про князя М.И. Воротынского.

с контингентом полузависимого от России правителя, ливонского короля Магнуса. Русский корпус продолжает удачно начавшееся наступление и берет мызу Ропу. Однако в дальнейшем наших воевод постигла неудача: под городом Коловерь их разбили. В том сражении погиб родственник Ивана Петровича – князь Иван Андреевич Шуйский, тот самый, породнившийся с Малютой. Да и сам Малюта Скуратов также, кстати, побывал тогда в Ливонии. Он сложил голову несколько раньше – в январе 1573 г. под стенами Пайды. Несмотря на поражение полевой армии в открытом бою и значительные потери, взятые крепости остаются за русскими.

Во второй половине 1573 г. князь Шуйский наместничает во Пскове вместе с крещеным ногайцем князем П.Т. Шейдяковым. Эта роль станет для него привычной: во Псков с Шейдяковым и другими военачальниками его будут назначать неоднократно в конце 70х – начале 80х гг. Как правило, Иван Петрович числится вторым воеводой, но выполняет роль наиболее активного и ответственного командира. Воеводство (хотя бы и на втором месте) в богатом и славном Пскове – большая честь.

Царь видит в Иване Петровиче толкового военачальника. Продолжая давление на неприятеля в Ливонии, Иван Васильевич вторгается туда летом 1577 г. с большой русской армией и союзным войском короля Магнуса. Судя по документам того времени, для похода планировалось собрать очень значительные силы: более 19 000 дворян, казаков и стрельцов, мощную артиллерию. Ивана Петровича назначили вторым воеводой в большой полк. Первым воеводой расписан крещеный татарский «царь» Семион Бекбулатович, особа необыкновенно знатная и пользовавшаяся безграничным доверием государя. Однако, по всей видимости, реальное командование армией осуществляет тогда именно князь Шуйский. Разумеется, выполняя приказания самого Ивана IV. Кто тут в большей степени исполняет роль полководца, а кто – политика? Был ли Шуйский простым администратором при царе, или же он вел компанию на тактическом уровне, а Иван IV занимался политическими вопросами и принимал стратегические решения? Невозможно с полной определенностью ответить на эти вопросы. Но в любом случае львиная доля командирской работы ложилась именно на него.

Этот поход принес воеводе, да и всей нашей армии, значительный успех. По разным источникам, русские полки, а также отряды Магнуса взяли тогда то ли 24, то ли даже 27 ливонских городов, в том числе и довольно значительные – Режицу, Чествин, Линовард, Кесь (Венден). О чем это говорит? Шуйский – насколько его командную волю можно отделить от воли государя, – оказался хорошим тактиком. Упорным, энергичным, державшим армию в кулаке.

Карта Ливонии (предположительно XV в.)

Сдавшимся городам и замкам царь обещает оказать милость и, действительно, мягко обходится с их жителями. Напротив, сопротивление подавляется с большой жестокостью. Впрочем, польско-литовские гарнизоны малочисленны и не способны противопоставить русской мощи эффективную оборону.

Неожиданной помехой на пути к осуществлению царских планов оказывается Магнус, правитель буферного королевства Ливонского. Доселе он был верным союзником Московского государства. Но в 1577 г. Магнус проявляет излишнюю самостоятельность. Он договаривается с местной знатью о передаче городов ему, т. е. в состав его «буферного» королевства. Многие идут на это с радостью, опасаясь прямого захвата русскими войсками и власти переменчивого нравом Ивана IV. Бояться им было чего: прежде жители Юрьева-Ливонского (Дерпта) и Полоцка жестоко пострадали от Ивана Васильевича, а молва о новгородском разгроме 1570 г. и бесчинствах опричников под Таллином получила широкое распространение. Прибалтика наполнена была летучими листками и публицистическими сочинениями о зверствах Ивана IV, частично преувеличенных. Но и в той части, где сведения о суровости царского характера были верны, хватало подробностей, способных оледенить самое храброе сердце. Уже после окончания войны выйдет книга немца-пастора Павла Одерборна, живописавшего кровопийство русского государя с небывалыми выдумками, в духе какого-то ветхозаветного суперзлодейства. Одерборн врал изрядно; однако труд его поучителен тем, что в нем отразился панический ужас ливонского населения перед властью Ивана Грозного.

К сожалению, отчасти этот ужас был оправдан...

Магнусу один за другим сдаются города и замки, однако государь Иван Васильевич не рад этому. Ведь он сам явился «в свою вотчину»! К чему теперь посредник между ним и местным населением, когда русские пушки способны уговорить кого угодно? К чему буфер между ним и плательщиками податей, держателями земель, каковые могут быть отданы русским помещикам? Взятие городов обойдется дороже, чем их мирное подчинение? Но, во-первых, для силы, собранной в 1577 г., потери не страшны, и, во-вторых, двойное подчинение, хотя бы и установленное мирным путем, недорого стоит в глазах Ивана IV.

Государь отправляет ливонскому королю гневное послание. Там он говорит ясно: у России сейчас достаточно сил для очистки всей страны без вмешательства Магнуса; если ему мало владений, доставшихся раньше, он может убраться к себе в Данию или отправиться на воеводство в Казань. Полки Грозного занимают Магнусовы новые приобретения²⁷. Сам король ливонский со свитой по требованию Ивана Грозного выходит из сдавшегося ему Вендена. Царь всячески унижает и бесчестит его²⁸, подвергает аресту и некоторое время держит в ожидании смертной казни. Потом прощает и даже дает небольшой удел. Но отношения между прежними союзниками, как видно, оказались капитально испорченными. Более того, Венден затворяет двери перед царем и начинает артиллерийский обстрел русского лагеря. Город берут штурмом. Инициаторы сопротивления подрывают себя порохом, с прочими русское командование обходится весьма неласково; впрочем, население иных городов, сдавшихся Магнусу, а потом занятых русскими войсками, также стало свидетелем серии казней: казнили приближенных короля.

Жестокость по отношению к тем, кто защищал свои города, и суровость, проявленная Иваном Васильевичем в «деле Магнуса», настроили местное население неблагоприятно по отношению к новым властям. В дальнейшем переход земельных владений от ливонцев к русским помещикам явно не улучшил отношений. С самого начала Ливонской войны местные жители в большинстве своем находили мало поводов радоваться русскому завоеванию и поддерживать наши армии; теперь они получили еще несколько весомых аргументов в пользу мятежа. Если наш государь хотел навеки закрепить за Россией этот край, наверное, ему стоило подумать о более мягкой и более гибкой политике на присоединенных землях. Вероятно, несколько большая мягкость была уместна и в отношении Магнуса. Да, тот повел себя как авантюрист, пытаясь спекулировать на «русской угрозе». Однако слабый и своевольный союзник все же намного лучше, нежели открытый враг.

²⁷ В одном из них – Вольмаре – берут в плен Александра Полубенского, командующего силами Речи Посполитой в регионе. Его принуждают отдать подчиненным приказ о сдаче укрепленных пунктов. Этот приказ немало способствует успехам русского оружия.

²⁸ Мы знаем об этом из хроники Бальтазара Рюссова, источника не совсем надежного, поэтому весьма возможно, что страдания Магнуса несколько преувеличены. Но другие иностранные авторы – Петр Петрей и Генрих Штаден – как будто подтверждают эти сведения: первый пишет о том, что Магнуса избивали и даже заставляли ползать у палатки Ивана IV, вымаливая прощение; второй объявляет, что с Магнусом поступили «не по-христиански».

Герцог Магнус Гольштейн, епископ Эзельский.

В Московском государстве по городам и областям рассылаются царские послания с известиями о приобретении новых земель и городов в Ливонии. Но стратегически итоги масштабного вторжения в Ливонию оказались ничтожными. Пик успехов русского оружия в этой войне был пройден пятнадцатью годами ранее, после взятия Полоцка. Формально в 1577 г. под контролем у московского государя оказалось значительно большая территория, нежели в 1563 м. Но вскоре после того, как русская армия покинет занятые ею земли, неприятель с легкостью отобьет несколько городов. Единственный союзник Московского государства на этом театре военных действий, Магнус, в 1578 г. перейдет на сторону поляков. Вероятно, ему трудно было простить то страшное унижение, которому подверг его Иван Васильевич, и те потери, которые он понес в связи с крахом своей авантюры.

Осенью 1577 г. царь обо всех этих печальных событиях, которые произойдут в ближайшем будущем, знать еще не мог. Он доволен. Возвращаясь из похода, Иван Васильевич устраивает пир, на котором среди прочих воевод присутствует и князь Шуйский. С тех пор царь ценит воеводу и благоволит ему. Знаком высокой милости станет приглашение Ивана Петровича на празднество в честь женитьбы государя на Марии Нагой (1581). Царские свадьбы того времени посещали только те вельможи, кем государь особенно дорожил.

По окончании большого Ливонского похода Шуйский возвращается во Псков, на воеводство, где и пробудет до начала правления Федора Ивановича.

1578 г. положил предел удачам Московского государства в Ливонии. Кесь пришлось отдать неприятелю, а при попытке вернуть город русское войско было разгромлено.

С 1579 г. над западными землями России нависает мрачная тень польского короля Стефана Батория. На протяжении нескольких лет он вторгается с огромными наемными армиями на нашу территорию и берет один за другим наши города. В руки поляков попадают Полоцк, Великие Луки, Заволочье, а также несколько других менее значительных крепостей. Кажется, никто не способен остановить грозного противника. Он дерзко вызывает на бой самого Ивана IV. Стремительные отряды поляков наносят нашим ратям поражение за поражением. Вот они уже в Тверской земле, и сам царь из своей резиденции в Старице видит полыхающие в отдалении пожары. По натуре своей Баторий – государь-кондотьер. Он знает толк в военном деле, он решителен, свиреп, энергичен, талантлив. У польской шляхты воинственный Баторий пользуется популярностью. Король располагает достаточными средствами, чтобы восполнять потери, которые несут корпуса вторжения в боях с русскими гарнизонами. А Россия уже разорена вконец долгой кровопролитной войной, эпидемиями, опричными репрессиями. Крестьяне, обнищав, разбегаются от государева тягла в места дикие и отдаленные. Помещики скрываются «в нетях» от царских приставов, набирающих новые полки.

Московское государство находится на грани стратегической военной катастрофы.

У Пскова то и дело концентрируется русское войско для нанесения контрудара по Баторию, для помощи осажденному Полоцку. Однажды полки во главе с князем Шуйским выдвигаются к псковскому «пригороду» Порхову. Он готов в любой момент сцепиться с Баторием. Но до решающего сражения дело не доходит. Высшее русское командование, включая и самого царя, проявляет робость и нерешительность. В XVI столетии, говоря о бое лицом к лицу с неприятелем, называли его «прямым делом». Так вот, выйти на «прямое дело» с громадой польско-литовских сил Иван Грозный не решался. Более того, он не отдавал такого приказа своим военачальникам. И, вероятно, не напрасно государь больше уповал на крепость стен, нежели на искусство воевод и отвагу воинов. Во-первых, к тому времени у России для отпора осталось не столь уж много сил: еще одна разгромленная армия могла означать худшее – без защиты осталась бы сама русская столица. Во-вторых, войска пали духом и утратили стойкость, присущую им еще несколько лет назад. Они в большей степени способны были изображать сильный заслон, нежели на самом деле оказывать серьезное сопротивление оккупантам. Стоило ли предъявлять неприятелю степень деморализации полевых русских войск?

Псковские воеводы спешно приводят в порядок обветшавшие укрепления. Гарнизонные стрельцы, дворяне и их начальники, а также псковичи, сбежавшиеся под защиту крепости, приводятся к крестному целованию в том, что будут отстаивать город от иноземных полчищ.

В 1581 г. сам Баторий приходит с новой армией под древние стены Пскова. Через бойницу за строительством вражеского лагеря наблюдает князь Иван Петрович Шуйский, второй воевода городского гарнизона. В ближайшие месяцы его ждет новое испытание...

Русская аристократия того времени жила богато, имела всё, что душа пожелает. А персоны из высшего ее слоя, самые «сливки», имели к тому же полное преобладание над остальным дворянством в делах службы. По биографии Ивана Петровича видно, насколько он легче и быстрее выходит в чины, нежели всё тот же заслуженный Хворостинин – аристократ «второго ранга». Но вот настает час, когда за хорошую жизнь, за право на господство, за непререкаемую власть надо платить. Требуется в жестокой борьбе одолеть сильного и опасного врага. Само время проверяет на прочность национальную политическую элиту. Она

выращена своим народом органично, поколение за поколением, и обязана постоянно доказывать право на существование *всего народа*. Если надо – кровью, а если потребуется – то и жизнью своей. Чего она стоит? Крепка ли? Является ли она сама сильным и опасным врагом? Или превратилась в сборище баловней судьбы? Если она даст слабину, то все общественное здание может рассыпаться, погребая под собой знатных и незнатных, воевод, дворян, стрельцов... и последних бедняков вместе с ними.

Псковский триумф

По горячим следам борьбы за Псков местный иконописец Василий создал «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Автор был очевидцем главных событий осады, его рассказ подробен и точен. К Ивану Петровичу Шуйскому он относился с великим почтением, подавал его читателям как главного вождя осажденных и вкладывал в уста воеводы речи, свидетельствующие о храбрости, преданности государю, твердости в православной вере.

Так, незадолго до осады Иван Петрович был вызван в Москву Иваном IV. Это подтверждается другими источниками – воевода действительно присутствовал на свадьбе государя и Марфы Собакиной. Тогда, по мнению иконописца Василия, царь допытывался, в каком состоянии находятся городские стены и хватает ли для обороны людей. Воевода отвечал Ивану Васильевичу: «Надеемся, государь... твердо на Бога и на истинную Богородицу нашу, неборимую крепкую стену, и покров, и христианскую заступницу, и на всех святых, и на твое государево царское высокое имя, что град Псков, всячески укрепленный, может выстоять против литовского короля». По словам автора «Повести», Иван Грозный, услышав такие слова, возложил на Шуйского ответственность за оборону города: «С тебя одного подобает спрашивать мне за всю службу, а не с других товарищей твоих и воевод». Официально Иван Петрович не был во Пскове главным из воевод. Выше него стоял князь Василий Федорович Скопин-Шуйский. Однако царский указ давал ему особые полномочия – решать все важнейшие дела по собственному разумению. Так и происходило на протяжении всей осады.

Почему Иван Грозный отдал такое распоряжение? Почему он верил в Шуйского более, чем в кого бы то ни было? Да ведь именно он был фигурой номер один в воеводском списке последнего большого похода в Ливонию, возглавленного самим царем! Следовательно, князь произвел на Ивана Васильевича самое отрадное впечатление своими деловыми качествами. Показал себя в деле.

Узнав о приближении королевской армии, Шуйский распределил между командным составом гарнизона отдельные участки стены и привел своих воинов в боевую готовность.

Крепость Кром, Псков. Современная фотография.

Осада началась 18 августа 1581 г.

Неделю спустя, когда основные силы поляков подтянулись ко Пскову и начали окружать его со всех сторон, стараясь блокировать основные дороги, городские пушки открыли огонь. Не имея полевых укреплений, противник нес от русского огня большие потери. С ближних к Пскову позиций он должен был отойти. Наши артиллеристы заметили, где Стефан Баторий поставил шатры своей ставки. Днем по этому месту никто не стрелял. Зато ночью, когда противник не был готов к отпору и не очень понимал, что происходит, королевская ставка подверглась массированному обстрелу. Погибли дворяне Батория. Король приказал перенести ставку на более безопасные позиции – подальше от псковских орудий. Его подчиненным велено было рыть окопы и ставить «туры» – передвижные укрепления для подвода стрелков и пушек под самые стены.

Королевская армия насчитывала порядка 40—60 тысяч бойцов, в том числе отряды опытных наемников, собранных по всей Европе. Помимо поляков и литовцев, значительную часть ее составляли венгры, были немецкие отряды. Шуйский мог ей противопоставить, по разным подсчетам, от 7 до 15 тысяч дворян, стрельцов и вооруженных горожан.²⁹

Благодаря тому, что до наших дней дошли официальные документы Разрядного приказа – «Генерального штаба» в Московском государстве, – известны имена всех основных военачальников, защищавших Псков от Стефана Батория. Помимо уже названных князей И.П. Шуйского и В.Ф. Скопина-Шуйского, псковский гарнизон возглавляли воеводы Никита Иванович Плещеев-Очин, князь Андрей Иванович Хворостинин по прозвищу Старко, князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский, князь Василий Михайлович Лобанов-Ростовский. Помимо князя Бахтеярова всё это были опытные люди, побывавшие в походах и при обороне крепостей на высоких постах. Иван IV, зная стратегическую важность Пскова, на протяжении нескольких лет держал там сильный командный состав.

Помимо воевод известны также имена голов, то есть командиров меньшего ранга. Это Андрей Васильевич Замыцкий, Леонтий Иванович Аксаков, князь Василий Иванович Мещерский, Клим Данилович Милюков, Константин Дмитриевич Поливанов, Григорий Семенович Овцын. Среди них наибольшим опытом отличался Поливанов, бывший когда-то крупным воеводой в опричнине.

Противник знал этих людей: немудрено было оценить их способности, не раз проявлявшиеся на полях сражений Ливонской войны. По сведениям поляков, «...из них пользовался большим уважением у московского царя Иван Шуйский по своему уму, Хворостинин по телесной и нравственной силе; поэтому, хотя Василий(Скопин-Шуйский) был старше Ивана, однако главное начальство поручено было Ивану... Среди начальников пехоты особенную репутацию серьезности и мужества имел Козецкий, пользовавшийся также расположением великого князя ради храбрости своей и высокого роста». Очевидно, «начальниками пехоты» названы головы, а Козецким поименован Замыцкий.

Псков славился мощными укреплениями. Город раскинулся на огромном пространстве у слияния рек Великой и Псковы. Первая из них протекала с юга на север, а вторая – с востока на запад, охватывая плавной дугой псковские предместья с запада. Район Завеличья, располагавшийся на западном берегу Великой, не был обнесен крепостными сооружениями. Поэтому его не собирались оборонять и сразу отдали Стефану Баторию. Сердцем города был Кром – древняя крепость, твердыня, возвышавшаяся на холме над речным углом. В Кроме стоял Свято-Троицкий соборный храм Пскова. Второй пояс укреплений располагался к югу от Крома. Он носил название «Довмонтов город», по имени литовского князя,

²⁹ Мнения исследователей очень различаются по поводу численности армии Батория и псковского гарнизона. Баторий, по разным подсчетам, мог иметь под рукой от 30 до 100 тысяч человек, причем последняя цифра представляется большим преувеличением. Поляки считали, что Шуйский располагал силой в 57 000 бойцов, но это также фантастическое преувеличение. В тексте даны наиболее вероятные цифры численности.

служившего псковичам в XIII веке и прославившегося воинскими подвигами. Большое пространство охватывал «Середний город». Его стены представляли собой границу Пскова в XIV столетии. Город давным-давно вырос из нее, как юноша из детской рубашечки. Главной линией обороны, за обладание которой и шла борьба в 1581—1582 гг., стал «Большой город» или, иначе, «Окольный город». Он состоял из новых мощных укреплений: «Стена большого города... простиралась на десять километров, имела тридцать семь башен и сорок восемь ворот. Стены были многоярусными, с удобными переходами на стены и подземными ходами, позволяющими маневрировать силами»³⁰. За Псковой укрепления продолжались.

Мощь городских оборонительных сооружений вызывала почтительное отношение даже у противника: «Со всех сторон имеются очень крепкие башни, сделанные из... камня. Так как башни прежней постройки недостаточно были равны между собою и вследствие того не прикрывали себя взаимно от пушечных выстрелов, направленных от одной к другой, то, поставив с углов тех новые стены и покрыв их весьма толстым дерном, и разместив по ним окна (бойницы) он (московский царь) устроил так, что они находились на равном друг от друга расстоянии. У тех же башен, которые оказались частью слишком тесными, частью слишком непрочными для того, чтобы могли выдержать выстрелы от тяжелых орудий, с внутренней стороны на удобных местах расставил другие башни... деревянные, сделанные с великим тщанием из самых крепких бревен и снабдил их достаточным количеством больших пушек... Так как московский царь... полагал, что нисколько не должно сомневаться в том, что король по взятии Лук направится ко Пскову, то снабдил его весьма хорошо всем нужным для выдержания осады и приказал все свезти туда в огромном количестве». Пороха, снарядов, продовольствия в городе хватало. Он был обеспечен всеми необходимыми для «осадного сидения» припасами.

Псково-Печерский монастырь.

³⁰ Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. С. 262.

Расположение псковских укреплений фактически диктовало осаждающим планы их штурма. Захват Запсковья ничего не решал: даже в случае успеха королевская армия оказалась бы перед водной преградой (Псковой) и высокими стенами Крома. Атака через реку Великую, пока ее не сковал лёд, была бы, несомненно, безумным предприятием. Форсировать полноводную Великую под огнем русских пушек и пищалей – значит обрекать армию на истребление. Таким образом, оставался Большой город. Точнее, южный – юго-восточный участок его стен, не защищенный от вражеского приступа реками. Но здесь и укрепления были наиболее мощными. Ключом ко всей позиции оказалась Покровская башня. Именно она представляла собой наиболее уязвимое место Большого города. По ней королевские артиллеристы могли вести огонь с трех сторон: с юга (фронтальный обстрел), от позиций в районе Мирожского монастыря (фланговый обстрел) и, хуже всего, еще из-за реки Великой, в тыл. Соответственно, главные силы защитников города концентрировались именно здесь.

7 сентября началась бомбардировка города. Мощная осадная артиллерия Стефана Батория снесла Покровскую башню, разбила на двадцать четыре сажени стену рядом и еще на шестьдесят девять – в других местах, сильно повредила Угловую и Свинусскую³¹ башни. Такие проломы как будто зазывали неприятеля совершить дерзкую атаку. Именно это и произошло: король отдал приказ начать общий штурм на следующий день.

В наиболее опасном месте – на участке от Покровских до Свинусских ворот – Иван Петрович поставил опытного воеводу князя Андрея Ивановича Хворостинина, брата великого полководца Дмитрия Хворостинина.

³¹ В источниках именуется также Свиной и Свинойской.

Гетман Ян Замойский.

Автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» рассказывает: «В пятом часу дня... литовские воеводы и ротмистры, и все градоемцы, и гайдуки проворно, радостно и уверенно пошли к граду Пскову на приступ...» Во Пскове ударил сигнальный колокол у церкви Василия Великого. «Государевы... воеводы со всеми воинами и стрельцами... изготовились и повелели из многих орудий по вражеским полкам стрелять. Стреляя беспрестанно из орудий, они многие полки побили; бесчисленно литовских воинов побив, они устлали ими поля. Те же упорно, дерзко и уверенно шли к городу, чудовищными силами своими, как волнами морскими, устрашая... Все бесчисленное войско, закричав, устремилось скоро и спешно к проломам в городской стене, щитами же и оружием своим, и ручницами, и бесчисленными копьями, как кровлею, закрываясь. Государевы же бояре и воеводы со всем великим войском, Бога на помощь призвав, бросили христианский клич, призывно вскричали и так же стойко сражались с врагом на стене. А литовская бесчисленная сила, как поток водный, лилась на стены городские; христианское же войско, как звезды небесные, крепко стояло, не давая врагу зайти на стену. И был гром великий... и крик несказанный

от множества обоих войск, и пушечных взрывов, и стрельбы из ручниц... Пролом, пробитый литовскими снарядами, был велик и удобен для прохода, даже на конях можно было въезжать на городскую стену... Поэтому многие литовские воины вскочили на стену града Пскова, а многие литовские ротмистры и гайдуки со своими знаменами заняли Покровскую и Свинусскую башни и из-за щитов своих и из бойниц в город по христианскому войску беспрестанно стреляли. Все эти проверенные лютые литовские градоємцы, первыми вскочившие на стену, были крепко в железо и броню закованы и хорошо вооружены...» Приближенные подошли к Стефану Баторию и поздравляли его с победой. Однако до победы было далеко: защитники Пскова продолжали оказывать сопротивление на стенах. «Государевы... бояре и воеводы и все ратные люди, и псковичи с ними тоже крепко и мужественно бились: одни под стеною с копьями стояли, стрельцы стреляли по врагам из пищалей, дети же боярские из луков стреляли, другие же бросали в них камни, остальные, кто как мог, помогал спасению града Пскова. И из орудий непрестанно по врагу стреляли и никак не давали сойти в город. Литовское же воинство упорно и настойчиво со стен, и из башен, и из бойниц беспрестанно стреляло по русскому воинству... И можно было видеть, как христианские воины, словно пшеничные колосья, вырванные из земли, погибали за христианскую веру. Другие же изнемогали от многочисленных ран, нанесенных литовским оружием, и ослабевали от усталости – день тогда был очень солнечный и знойный; но все крепились...» Штурмующим отрядам из королевского лагеря пришла подмога – еще две тысячи свежих бойцов. Настал решающий момент боя. Русских немного отделяло от поражения. Однако защитников Пскова выручило искусство артиллеристов. Они установили на насыпи, недалеко от пролома, мощное орудие «Барс» и ударили по Свинусской башне, занятой неприятелем. Меткая стрельба выбила из строя множество нападающих. Их напор ослабел.

Наконец русские заложили под Свинусскую башню пороховой заряд. На ее развалинах как раз укрепились свежая группа, недавно прибывшая из расположения королевских войск. В ее состав входили высокородные вельможи, решившие поднести королю победу на блюде. Чудовищный взрыв потряс руины башни. По словам очевидца, польские шляхтичи «...смешались с псковской каменной стеной Свинусской башни и из своих тел под Псковом другую башню сложили...»

Штурмовые отряды, понеся громадные потери, все еще не были остановлены королем от дальнейших попыток. Бой продолжался. Псковское духовенство, желая ободрить воинов, противостоящих натиску «градоємцев», принесли из соборной церкви Св. Троицы чудотворную икону Богородицы Печерского монастыря, иные образы и чудотворные мощи. Монахи, несущие иконы и мощи, встали у самого проломного места, призывая усталый гарнизон биться насмерть.

Рейнгольд Гейденштейн, находившийся во вражеском стане, приводит в своих «Записках о Московской войне» любопытные подробности осады. Рассказывая о решающем моменте первого штурма, он пишет: «...в то время, как наши были задержаны при взятии стен, Иван Шуйский разъезжал тут и там на раненом коне; он своими угрозами, просьбами, наконец, даже слезами, и с другой стороны епископ, выставя мощи и иконы, успели остановить бегство и ужас своих. Враги сперва стали стрелять в наших из пушек и бросать камни, в то время как наши в свою очередь метали в них копья... с той и с другой стороны очень многие были ранены...»³² Вот важный эпизод, характеризующий Шуйского с наилучшей стороны. Воевода не боялся сунуться под вражеские пули, оказавшись на передовой. Он личным примером, личной отвагой укрепляет волю подчиненных к победе.

Через некоторое время порыв атакующих окончательно иссяк. Ночь пала на заваленные трупами развалины стен и башен. Под ее покровом польская пехота небольшими куч-

³² Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 210.

ками начала отступать в лагерь. Последним плацдармом неприятеля оставалась полуразрушенная Покровская башня. Русским бойцам удалось пороховыми зарядами произвести в ее руинах большой пожар. После жестокой схватки у Покровской башни последние остатки неприятельских штурмовых отрядов были выбиты за стену, в поле. В качестве трофеев нашим достались вражеские знамена, множество брошенного оружия, полковые трубы и барабаны. Несколько знатных пленников предстали перед русскими воеводами, чтобы в подробностях рассказать о королевской армии.

Победа далась недешево. Гарнизон и примкнувшие к нему горожане понесли тяжкий урон. Одних убитых было 863 человека, а раненых – более полутора тысяч. Шуйский отправил гдовскому воеводе грамоту о необходимости пополнить гарнизон³³. Но войско Стефана Батория рассталось со значительно большим количеством бойцов. По данным русских источников, его ущерб одними убитыми составлял около пяти тысяч человек. Сам неприятель признавал, что одних поляков погибло около 500 человек, «...кроме того, пало много немцев и венгров, очень многие получили раны от камней, кольев и топоров»³⁴. Рейнгольд Гейденштейн сообщает о гибели более 40 представителей польской знати. Тогда же погиб королевский любимец, прославленный командир венгерских наемников Бекеш. У артиллеристов Стефана Батория кончились запасы пороха.

Шуйский велит за проломами возвести новую линию обороны. По «проломным местам» и развалинам башен защитники города врыли в землю множество острых кольев. За руинами каменной стены ими был вырыт ров, усиленный теми же кольями. А за рвом нападающих встречала новая стена – деревянная, с множеством бойниц. На ней стояли орудия, огромные котлы с кипящими нечистотами, а также кувшины с порохом, игравшие роль импровизированных гранат. Там же горожане приготовили мешки с сухой известью, выжигавшей глаза неприятельских солдат. Отряды пеших наемников то и дело пытаются преодолеть эту преграду, но усилия их тщетны. Положив перед нею новую грудку мертвецов, они неизменно откатываются к лагерю.

Баторий, увидев стойкость гарнизона и его командиров, принимается за переговоры. Король угрожает уничтожить защитников Пскова, как только город будет взят его армией. В случае добровольной капитуляции он обещает великие милости воеводам. Из города ему отвечают: «Если Бог за нас, то никто против нас!»

Поляки пытаются вести «минную войну». Взяв во время вылазки «языков», псковичи узнают тревожную новость: от позиций королевской армии под стены их города одновременно ведется шесть, то ли даже девять подкопов. Однако перебежчик в русский лагерь, бывший стрелец полоцкого гарнизона Игнаш, пошедший на службу к полякам после взятия города, сообщает о местах, где строятся подземные галереи для закладки пороховых мин. По приказу псковских воевод неприятельские подкопы перехватывают и обрушивают. Подкоп венгров псковичи подорвали с помощью контрмины. Еще два, начатых поляками, уперлись в скалу. Ни один не дошел до цели.

Воеводы соседних городов неоднократно пытались помочь осажденному Пскову. Несколько русских отрядов устремляются тайными дорогами к городу. Некоторые из них потерпели поражение и были рассеяны врагом. Другим повезло больше, они сумели доставить гарнизону поддержку. Так, через расположение королевской армии, ослабившей карательную службу, в Псков с боем прорвался стрелецкий голова Фёдор Мясоедов с подмогой и продовольствием.

В конце октября осаждающие предпринимают новый большой штурм: им подвезли порох из Риги. Вновь начинается общая бомбардировка города, однако значительного урона

³³ Гонец, к сожалению, был перехвачен поляками.

³⁴ Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904. С. 240—241.

она не наносит. Обстрел раскаленными ядрами деревянных хором, служивших жилищем для большинства горожан, по мысли польского командования, должен был привести к большому пожару. Он вызвал бы смятение в рядах защитников, и тогда их упорную оборону удалось бы взломать без труда. Но псковичам удалось предотвратить общий пожар. Напротив, действия тяжелых русских пушек постоянно разрушают полевые укрепления осаждающих, сооруженные из корзин с землей. Отборные смельчаки из венгерских отрядов Стефана Батория идут под каменную стену с кирками и ломami, пытаясь разрушить ее основание, в то время как их товарищи пробуют поджечь деревянную. От стрел, пуль и камней они защищаются большими деревянными щитами. В ответ со стен в них начинают метать пропитанное смолой тряпье, поджигая сами щиты. В нижнем ярусе стен появляются новые бойницы, из которых по вражеским солдатам палят в упор стрельцы. Сверху на их головы льется раскаленный деготь и кипяток. Несколько особенно упорных бойцов противника углубились в стену так, что сверху их было практически невозможно достать. Тогда псковские воеводы измышляют собственную уловку. Вот что рассказывает о ней «Повесть...»: «Повелели навязать на шести длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских камнетесов и теми палками и острыми крюками извлекали Литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи; железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градоемцев и выдергивали их из-под стены...» – тут они становились легкой добычей русских стрельцов. Гейденштейн, сокрушаясь, пишет: «Неприятели из города сверху стен, разрушить которые старались венгры, стали спускать огромной величины бревна, со всех сторон обитые железными зубцами и прикрепленные железными цепями к длинным шестам; неприятели, потрясая ими, действовали так искусно, что все, находившиеся на работе, получали направленные снизу удары как бы плетью, вследствие чего эти бревна причиняли большие несчастья».

Очередная неудача произвела на армию неприятеля тяжелое впечатление.

Потерпев провал со всеми перечисленными хитростями, Стефан Баторий отдает приказ открыто атаковать Псков, больше желая взбодрить армию, нежели надеясь на благоприятный исход дела. Незадолго до того встала река Великая. Королевские военачальники погна́ли многочисленные отряды на штурм прямо по льду. Но очередной штурм заранее был обречен на неудачу. Во-первых, боевой дух в войсках осаждающих оказался не на высоте – командиры силой принуждали бойцов идти на приступ. Во-вторых, бросаясь в атаку по льду реки, отряды врага оказывались на открытом месте под огнем русских пищалей и пушек.

Несколько раз волны королевской армии накатывали на Псков и отступали, выкладывая черный ковер телами убитых и умирающих...

Иван Петрович избирает атакующую тактику. С первого дня осады он постоянно беспокоит польский лагерь дерзкими вылазками, наносит врагу немалый урон, подрывает его волю к победе. По приказу князя Шуйского псковские пушкарки изо дня в день обстреливают позиции польской армии, вырывая солдат и командиров из ее рядов. Утомленный неприятель уже не решается атаковать. Студеными зимними ночами отважные польские, венгерские, немецкие бойцы стучат зубами от ужаса: каждое мгновение у самых окопов может оказаться отряд русских головорезов. Шуйский показал себя как деятельный командир. Он не опускает руки в трудных ситуациях, и он стремится «выжать» все возможности из ситуаций выигранных.

В условиях русской зимы осаждающие несут новые потери от холода, голода и недостатка фуража. Катастрофически не хватает дров. Секретарь походной канцелярии ксендз Пиотровский оставил в записках о боевых действиях Батория горестное восклицание: «Боже, как жаль тех трудов и денег, которые мы потратили под Псковом!» Наемные отряды бегут от Батория, не получив причитающейся платы.

Наконец король и сам покидает войска, оставив командующим коронного гетмана Замойского. Ему ничего не остается, как согласиться на мирные переговоры с Иваном Грозным. Положение армии – критическое. Расходы на ее содержание превысили все мыслимые и немыслимые суммы. Ни о каких новых завоеваниях и речи быть не может.

Пока идут переговоры, осадная армия остается под Псковом, пытаясь выморить его голодом. Однако ее собственное состояние не лучше, чем у защитников города. Среди осаждающих обычным явлением становится воровство, то и дело случаются вспышки открытых грабежей. Войска начинают роптать против самовластного Замойского. Коронный гетман пытается восстановить дисциплину драконовскими мерами. Он держит в кандалах королевского придворного, публично позорит тех, кто предается разврату, и даже вешает одного из офицеров. Иначе говоря, стремится остановить моральное разложение армии, закручивая дисциплинарные гайки. Однако повысить ее боеспособность Замойскому не удается, в лучшем случае – удержать от распада.

Несколько отрядов немецких и венгерских наемников направляются за 50 км от Пскова к Псково-Печерскому монастырю, служившему базой для русских рейдов по тылам противника. Их попытка взять обитель штурмом заканчивается тяжелым поражением. Небольшой гарнизон отбивает яростные наскоки противника с большим уроном для атакующих.

Ирина Фёдоровна Годунова. Реконструированный с Московских культурный портрет.

Псковичи осмелели. В их глазах великая армия Стефана Батория перестала быть мрачной угрожающей силой. Прежний ловец сам превратился в зверя, которого следовало травить, пока он не залечил раны и не поднялся с новой яростью. Пиотровский рассказывает о нескольких крупных вылазках осажденных, в том числе и об одной, явно удачной, сделанной в расположение немецких наемников: «Русские ободрились. Сделали вылазку, а всего их было на вылазке около тысячи пехоты и несколько сот конницы. Немцы должны были отступить».

Иван Петрович получил донесения о том, что неприятель ослабел и убавился в численности. Воевода строит смелый план контрудара. До сих пор поляки наступали. Теперь, под Псковом, их прыть исчезла. Пора показать им, какую угрозу для них самих представляет пребывание на чужой земле. Гейденштейн пишет: «Шуйский, видя огромную силу морозов и получая от перебежчиков известия, что повсюду в лагере распространяются от того лихорадки... стал изыскивать способы, как бы к славе спасения города присоединить еще славу взятия польского лагеря и уничтожения неприятельского войска»³⁵. Воевода готовит масштабную вылазку, в которой должны принять участие лучшие силы гарнизона.

В день вылазки столкновение с отрядами Замоиского переходит в большую битву. Неясно, кто одержал в ней победу. Обе стороны приписывают ее себе, и обе понесли значительные потери. «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» сообщает: 4 января большой отряд конных и пеших атаковал поляков, выйдя из Великих ворот. «И в той вылазке более восьмидесяти почтенных и прославленных знаменитых панов убили и много важных языков в город привели. Это была последняя вылазка. Всего же вылазок из города было сорок шесть». Гейденштейн подтверждает факт гибели и пленения нескольких польских, а также венгерских военачальников. Замоиский в письме доложил королю о большом успехе, сообщил также о 30 русских пленниках...

Во время переговоров о выдаче псковскому гарнизону тел русских воинов, погибших в том бою, произошла ссора, перешедшая в новую стычку. Это привело ко всеобщему озлоблению.

Под занавес осады польско-литовские войска были измотаны и утрачены упорством русских ратников. На успех штурма у них не оставалось ни малейшей надежды. И даже простое стояние у псковских стен стоило очень дорого. Королевское командование прекрасно понимало: твердость защитников крепости подпитывается высоким боевым духом их командира – князя Шуйского. Поэтому поляки, разозленные последней схваткой, решили погубить его каверзой. Артиллерийский офицер Иван Остроумецкий предложил коронному гетману подорвать Ивана Петровича...

9 января 1581 г. из лагеря осаждающих в крепость пришел русский пленник, отпущенный во Псков с большим ларцом. Бог весть, решился ли этот человек на тяжкую измену, или был просто введен в заблуждение. Во всяком случае, «легенда» его была такова: среди королевских офицеров сыскался некий дворянин Гонсумеллер, решивший стать перебежчиком. Он и отправил во Псков человека с ларцом, дав ему также грамоту. В пересказе этот текст звучит следующим образом: «Первому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу, Гансумеллер³⁶ челом бьет. Бывал я у вашего государя с немцем Юрием Фрян-

³⁵ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889. С. 242.

³⁶ В польских источниках – Иоганн Миллер, то ли Моллер.

бренником³⁷, и ныне вспомнил государя вашего хлеб-соль, и не хочу против него стоять, а хочу выехать на его государево имя. А вперед себя послал с вашим пленным свою казну в том ларце, который он к тебе принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец у того пленного взял и казну мою в том ларце один осмотрел, а иным не давал бы смотреть. А я буду в Пскове в скором времени».

Хитрость была шита белыми нитками. Только ярость отчаяния могла подвигнуть командование осаждающих на такую подлость и в то же время на столь наивную уловку. Посоветавшись с прочими военачальниками, Иван Петрович решил не открывать ларчик с секретом. Вещицу отнесли подальше от воеводской избы. Там им занялся псковский умелец, отперший ларец со всей осторожностью. О! «Казна» в нем оказалась знатная! Внутри поляки установили двадцать четыре заряженных пистолета³⁸. Их направили во все стороны. Замки пистолетов соединялись ремнем с запором ящичка, а поверх «самопалов» польские хитрецы насыпали с пуд пороха. Если бы воевода неосторожно откинул крышку, то непременно получил бы свинцовый залп и мощный взрыв... Гейденштейн фантазирует, будто бы взрыв все-таки произошел и от него погиб русский воевода князь Андрей Иванович Хворостинин, плюс некто Козецкий (Замыцкий?), а князь Шуйский получил ранение: позднее его не видели на стенах. Русские источники полностью эту выдумку опровергают. Летом 1583 г. мы видим Андрея Хворостинина первым воеводой передового полка на казанских землях. Ему предстояло прожить еще долгий, насыщенный событиями отрезок жизни. Впрочем, существует третья версия этих событий, наиболее достоверная. Ее излагает автор независимого частного летописца, названного историками Пискаревским. Он явно получил сведения от участника псковского «осадного сидения», поскольку передает бытовые подробности, выдающие слово очевидца. Так вот, по изложению Пискаревского летописца, «адская машинка», попав в руки псковских воевод, вызвала подозрение неким «малым ремешком», привязанным к ларцу. Ремешок порвали, после чего пришлось вызывать мастера-«замочника». А уж тот вскрыл ларец безопасным способом. Там обнаружили «...полно зелия и пищалок маленьких. А тот ремешок приведен к спускам самопальным». Разобранная адская машинка не причинила псковским воеводам никакого вреда.

Русский современник спокойно резюмировал этот эпизод: «Кого Бог хранит, того и вся вселенная не сможет убить, а от кого Бог отвернется, того и вся вселенная не сможет укрыть».

Последние недели осады идут под аккомпанимент донесений с русско-польских переговоров. Боевые действия фактически прекращены, псковские купцы налаживают торговлю, но войско коронного гетмана еще не уходит. И даже представителя царского посольства Петра Пивова, направленного с известиями во Псков, Замойский не пускает через расположение своей армии. Поляки задерживаются до последней возможности, ожидая, как видно, что бдительность русских воевод ослабнет и они все-таки смогут войти в несокрушимую твердыню.

Тщетно.

Наконец автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» может вздохнуть с облегчением: «Месяца февраля в 4 день польский гетман, канцлер, отошел от града Пскова в Литовскую землю со всею силою литовскою. Тогда же в граде Пскове раскрылись затворенные ворота».

³⁷ Действительно, у Ивана IV служил отряд европейских наемников во главе с командиром Юрием Францбеком или Францбековым (Фаренсбахом, Фрундсбергом?).

³⁸ По другим сведениям, это были пищальные дула, числом 12, которые должны были при взрыве сыграть роль осколочного материала. В качестве детонатора поляки использовали взведенную ружейную часть, прикрепив ее шнурком к днищу деревянного ящичка, куда был положен маленький ларец с порохом, а также к его крышке. Вынув железный ларец из ящичка или открыв крышку ларца, русский воевода привел бы в действие адскую машинку...

Итак, прорыв польской армии в центральные области России не состоялся. Мощное войско короля Стефана Батория обломало зубы о северную русскую твердыню. Переговоры об окончании войны, шедшие в Яме Запольском, окончились десятилетним перемирием. Условия его были тяжелыми для России, но после всех побед, одержанных Стефаном Баторием, Речь Посполитая могла надеяться на большее. Страшное поражение под Псковом остановило неудержимый, казалось бы, порыв поляков на восток. В результате они сами попали в критическое положение. Между тем Московское государство, измотанное, обескровленное, все еще могло сопротивляться. Стратегический успех, достигнутый князем Иваном Петровичем Шуйским и его соратниками, ободрил Россию, уставшую от известий о неудачах. Поэтому Стефан Баторий вынужден был вернуть многие русские города, захваченные им в 1580—1581 гг., прежде всего – Великие Луки.

Слава отважных псковичей и их воеводы князя Шуйского прокатилась по всей России из конца в конец. Долгие годы люди помнили о том, как под его руководством у стен древнего русского города была сломлена воля великой армии, как гордый король польский со срамом воротился из-под Пскова. Знали о псковском триумфе русских и в Европе. Свидетель обороны Пскова, папский посланник Антонио Поссевино, побывавший в польском лагере и на переговорах в Яме Запольском, впоследствии писал: «Русские при защите городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на место убитых или взорванных действием подкопа и заграждают грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голоду, но не сдаются».

После отступления поляков Иван Петрович остается во Пскове все тем же вторым воеводой. В конце 1583-го или начале 1584 г. его оставляют там уже первым воеводой. В этой должности он встречает новое царствование – Фёдора Ивановича.

Падение

При новом государе судьба Ивана Петровича Шуйского, да и всего семейства Шуйских, резко переменилась.

Первые годы после смерти Ивана IV они по-прежнему в чести.

Историк А.П. Павлов сообщает: «Князья Шуйские благодаря службе в “особом” дворе и военным заслугам сумели к середине 1580х годов не только сохранить (вернуть) свои родовые вотчины, но и получить суздальские вотчины сородичей, князей Горбатовых (села Горицы и Лопатничи). В 1587 г. в связи с опалой вотчины у Шуйских (кроме Скопиных) были конфискованы. После снятия опалы в начале 90х годов Шуйским снова возвращаются их владения, хотя... и не в полной мере». В ту пору виднейшим из всего семейства Шуйских был именно князь Иван Петрович. И ему принадлежало крупное поместье на 2038 четвертей земли у Бежецкого Верха, огромное поместье на 3500 четвертей у села Вача в Муромском уезде³⁹, да еще другие поместья – в Ростовском, Козельском, Московском и Псковском уездах. Таким образом, Иван Петрович был одним из богатейших землевладельцев России.

Князю И.П. Шуйскому уже не приходится командовать армиями и защищать крепости, тратить здоровье и силы в дальних походах. Если в начале царствования Фёдора Ивановича он еще воеводствовал во Пскове, то впоследствии ничего не известно о каких-либо службах боярина за пределами Москвы. Да ведь он уже не молод, силы не те. В отличие от наших дней, в вооруженных силах Московского государства не ставили военачальниками ветхих годами генералов.

Иван Грозный, зная о том, что сын его Фёдор Иванович по умственной конституции мало способен к делам правления, назначил совет из нескольких «опекунов», которые и должны были взять в свои руки государственную власть. Каждый из них достиг высокого положения при Иване Васильевиче, отличался умом и большим авторитетом. Но... поладить им не удалось.

Так вот, Иван Петрович оказался в числе опекунов. Таким образом, он оказался держателем частицы высшей власти в Московском государстве. Что ж, такого возвышения воевода был достоин, и современники это признавали. По мнению британского дипломата Джильса Флетчера, побывавшего на исходе 1580х гг. в Москве, князя И.П. Шуйского считали человеком «с большими достоинствами и заслугами».⁴⁰

Очень быстро опекуны и Боярская дума разбились на несколько враждующих лагерей. С одной стороны – худородные «выдвиженцы» Ивана Грозного. С другой – высшая знать, т. е. прежде всего Шуйские, а с ними князь И.Ф. Мстиславский, князья Воротыньские, старинные семейства московских бояр Головиных и Колычевых. Наконец, самостоятельной силой стал клан, сгруппировавшийся вокруг царской родни – Годуновых и Романовых-Юрьевых. На их стороне оказались также князья Трубецкие и Хворостинины. Схватка за полноту обладания властью при тихом царе Фёдоре Ивановиче разгорелась с первых дней его правления.

Первыми покинули сцену худородные креатуры предыдущего монарха. Иван Петрович принял в их разгроме деятельное участие. Так, он разбирает местнический спор между Романом Алферьевым (из Нащокиных), лидером грозненских выдвиженцев, и Фёдором Лошаковым-Колычевым, принадлежавшим к партии знати, и отдал предпочтение последнему. Это был тяжелый удар.

³⁹ Впрочем, относительно муромского поместья возникают вопросы, т. к. его владельцем мог быть и другой кн. Шуйский.

⁴⁰ Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906. С. 42.

Однако победа над фаворитами прежнего царствования быстро сменилась поражением от партии Годуновых. Постепенно партия знати лишается важнейших фигур: они подвергаются ссылкам, опалам, насильственному пострижению в монахи. В 1586 г. Шуйские терпят решительное поражение, попытавшись развести Федорова Ивановича с его женой, Ириной Годуновой, под предлогом бесчадия последней⁴¹. Таким способом Шуйские пытались удалить от престола Годуновых, ближайших родственников царя. Естественно, за неудавшийся дворцовый переворот пришлось платить. Осенью на них возлагается опала. Иван Петрович оказывается в своей вотчине, под наблюдением верных людей Бориса Годунова (среди них и князь Д.И. Хворостинин). Виднейший из Шуйских, таким образом, удален от государственных дел. Но энергичная натура не дает ему смириться с поражением. Он принимается за какие-то странные переговоры со старицей суздальского Покровского монастыря Леонидой – бывшей женой царевича Ивана Ивановича. Москва живо интересуется ими: ведь если расстричь старицу, то она после смерти Федора Ивановича может оказаться реальным претендентом на престол!

В 1588 г. жизнь блистательного полководца и неудачливого политика оборвалась. Сначала его сослали на Белоозеро и там постригли в монахи. Но этого торжествующим Годуновым показалось мало. В ноябре 1588 г. Ивана Петровича убил пристав князь И.С. Туренин, по всей вероятности, имея на этот счет инструкцию от Бориса Годунова. Английский торговый агент в Москве Джером Горсей описал кончину вельможи в трагических тонах: «Шуйский, первый князь царской крови, пользовавшийся большим уважением, властью и силой, был главным соперником (Бориса Годунова) в правительстве, его недовольство и величие пугали. Нашли предлог для его обвинения. Ему объявили царскую опалу и приказали немедленно выехать из Москвы на покой. Он был захвачен стражей под началом одного полковника, недалеко от Москвы, и удушен в избе дымом от зажженного сырого сена и жнива. Его смерть была всеми оплакана».⁴²

Так завершилась биография еще одного славного «командарма» грозненских времен. Вся придворная партия Шуйских была разогнана, некоторых лишили жизни, кто-то оказался в тюрьме, а кому-то пришлось отведать горький хлеб ссылки. На несколько лет род Шуйских ушел в тень...

Иван Петрович был прежде всего частью большой семьи князей Шуйских. С нею он отстаивал отечество, с нею разделял славу и почести, с нею боролся за власть, с нею интриговал. За политическую интригу в ее пользу он и сошел в могилу. Несчастливый конец Ивана Петровича известен в наши дни одним только специалистам по русской истории XVI столетия. Всё, что касалось узкокорыстных дворцовых устремлений, для памяти потомков умерло. Зато жива до наших дней добрая слава великой псковской победы.

Князю Шуйскому на роду было написано стать «командармом» в беспокойное царствование Ивана Грозного. Само происхождение его возносило воеводу над абсолютным большинством современников и соотечественников. Господь предназначил князя для военной службы. Что оставалось Ивану Петровичу? Только один выбор: стать достойным высокой судьбы, славного рода своего, большой власти, полученной по праву крови, или позволить себе слабость и по слабости провалить великие дела, к которым князь оказался причастен.

Подводя итог под судьбою этого отважного и талантливоего полководца, можно с уверенностью сказать: Шуйский был достоин своего предназначения.

⁴¹ Бесчадием Ирина Годунова не страдала: она родила супругу дочь Феодосию, к сожалению, скончавшуюся в младенчестве.

⁴² Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Под ред. В.Л. Янина; перевод и сост. А.А. Севостьяновой. М., 1990. С. 101—102. Точность рассказа Горсея вызывает некоторые сомнения.

Столп царства. Князь Иван Фёдорович Мстиславский

Мало кому из русских полководцев XVI столетия так не повезло в памяти грядущих поколений, как И.Ф. Мстиславскому. Всю жизнь он провел в походах. Война глубоко запустила в него когти. Холодное железо жалило его плоть. До старости Иван Фёдорович не вылезал из большой военной работы. Он был одним из бессменных вождей русской армии, участвовал в самых главных ее битвах, с нею разделял величайшие победы и поражения грозненского царствования. А кто знает о нем? Кто помнит о нем? Только «профи» из академической среды.

Князь Мстиславский оттеснен от славы великих деяний, к которым он имеет самое непосредственное отношение. Отчасти его закрывает от взоров потомков титаническая фигура Ивана Грозного, ходившего в те же походы, что и Мстиславский. Отчасти же дело в том, что для историков XX столетия Иван Федорович был не очень-то удобен. Он аристократ из аристократов. В его фигуре не видно ничего «демократического» – хоть на мизинец. Какую можно увидеть «борьбу дворянства и боярства» на его примере, когда он – первый боярин царства? Ничего, таким образом, «прогрессивного», одно только наследие «удельных порядков»... Не был он опричником и против опричнины тоже, насколько известно, не восставал. Поэтому для буйных поклонников опричнины и для ее фанатичных неприятелей не находится пищи в биографии этого человека.

Кому из публицистов нашего времени есть дело до того, что Иван Фёдорович пролил кровь за отечество? Что он на протяжении нескольких десятилетий был истинным пахарем военной страды, что он без усталости вел плуг больших походов и кровавых сражений, пока старость не выбила его из обоймы военной элиты? Что за все труды воздалось ему нежеланным иночеством?

Князь Мстиславский – достойный человек, с памятью которого судьба распорядилась несправедливо.

Известно, что в преклонном возрасте князь сочинял своего рода «мемуары». Английский торговый представитель Джером Горсей, водивший с ним дружбу, рассказывает, что Мстиславский писал «секретные хроники». Однако тайны рода Мстиславских остались нераскрытыми: до сих пор никто не нашел их семейную летопись.

Гедиминович

Одна из предыдущих глав посвящалась князю Ивану Петровичу Шуйскому, а также отчасти его родне. В ней было показано, сколь высоко стояли Шуйские, сколь много им полагалось по праву рождения. Но по сравнению с Мстиславскими даже Шуйские решительно проигрывали.

При дворе великих князей московских с необыкновенным почтением относились к прямым потомкам Ольгерда, четвертого сына Гедимина. Оба они были великими князьями литовскими, причем в ту пору, когда их держава превосходила и по военной силе, и по территории владения Москвы. Собственно, в XIV—XV столетиях большая часть прежней Киевской Руси находилась в составе Великого княжества Литовского. Не большбья, а именно большая. При Дмитрии Донском литовцы приходили под стены Московского Кремля. Еще в середине XV века Вязьма (!) была частью Литовской Руси. И лишь целый каскад победоносных войн, начатых Иваном III Великим и продолженных его сыном Василием III, обрушил литовскую мощь, отдал значительную часть Великого княжества Литовского московским государям. Но Литва при Иване IV все еще была очень сильна. Она оставалась серьезным противником, к которому относились с уважением. Соответственно, потомки Ольгерда, переходившие на службу Москве, – князья Трубецкие, Бельские, Булгаковы-Голицыны – бывали окружены великим почтением. По знатности их ставили выше подавляющего большинства Рюриковичей. В боярских и княжеских списках их писали на первых местах.

Так вот, князья Мстиславские не происходили от Ольгерда. Они происходили от Евнутия – *третьего* сына Гедимина. Их статус оказался *выше*, чем у большинства прочих Гедиминовичей при дворе русских государей.

Предок всего рода, князь Фёдор Михайлович Ижеславский, выехал из Литвы ко двору Василия III летом 1526 г. Земли свои на территории Великого княжества Литовского он потерял. Поскольку его матерью была дочь князя И.Ю. Мстиславского, не имевшего сыновей, князь Фёдор стал именоваться «Мстиславским»⁴³. Выезжему князю государь пожаловал в вотчину город Ярославец с округой, плюс дал «в кормление» подмосковную Каширу (иными словами, он стал там наместником, а потому «кормился» от разных сборов и податей). Это был весьма щедрый дар. За него Фёдор Михайлович обещал верно служить Василию III, не иметь никаких сношений с Литвой и не помышлять об отъезде к иному государю. Племянница самого великого князя московского вышла за него замуж. Иными словами, князя постарались покрепче привязать к Московскому правящему дому. Тем не менее он, мысля в категориях аристократии того времени, видимо, всюду искал более выгодной службы. Подозревали, что он ведет переговоры с польским королем Сигизмундом. Отношение московского правительства к нему утратило теплоту. Князь даже испытал на себе кратковременную опалу. Прощенный, он не смирился и попробовал бежать. В Москве на возможность «переезда» всегда смотрели косо, а за попытку уйти за рубеж наказывали сурово. Поэтому за «рецидив» Фёдору Михайловичу вмазали крепко: он лишился Ярославца и вместо него получил волости поскромнее – Юхоть и Черемху в Ярославском уезде. Кроме того, князь вынужден был подписать еще одну «запись на верность» Василию III – под угрозой церковного проклятия. Впоследствии Фёдор Михайлович, видимо, утихомирился и не делал новых попыток побега. Со второй половины 1520х до 1539 г. ему постоянно давали важные военные поручения. В частности, князь неоднократно возглавлял московские полки. Ему доста-

⁴³ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988. С. 127—128.

вались ключевые посты в обороне южных и восточных границ России от татарских набегов. В 1536 г. князь отбил татарский набег под Муромом. В 1540 г. он скончался.

Князья Мстиславские были в России «своими». Они выехали из Литвы, и в их крови, конечно, была литовская примесь, восходившая к роду державных правителей ВКЛ... Но ее давно разбавила почти до полной прозрачности славянская кровь. К Москве в ту пору выехало с западно-русских земель немало князей. Разница в языке тогда была едва различимой и должна была скоро сгладиться. Родня Мстиславских служила при дворе московских государей еще со времен Ивана III. Веры Мстиславские придерживались православной. Так что от прочей знати Московского государства они отличались, как ложка клубничного варенья от содержимого банки клубничного варенья, сваренного чуть раньше.

Василий III сохранил некоторое недоверие к Михаилу Фёдоровичу. Поэтому места в Боярской думе князю не досталось. Подобное недоверие не было чем-то необычным. Выходцам из-за рубежа, потомкам удельных князей, а также тем, кто служил при дворах удельных князей, крайне редко в первом же поколении доставалось место в Думе. Оно и понятно: тогда опасались допускать к кормилу высшей власти людей сторонних.

Но для Ивана, единственного сына Фёдора Михайловича, это ограничение уже потеряло силу. Он унаследовал все, кроме одного – недоверия со стороны московских государей.

Молодость

Князь Иван Фёдорович Мстиславский приходился двоюродным племянником Ивану Грозному. Принадлежность к высокому роду, кровь государей, текшая в его сосудах, поднимали князя высоко над большинством русских служилых аристократов и бесконечно высоко над многотысячной массой дворянства.

Царь Михаил Фёдорович и бояре.

На протяжении долгой жизни своей Иван Фёдорович дважды вступал в брак, и оба раза происхождение невест должно было соответствовать высокому статусу жениха. Иными словами, он был очень ограничен в выборе суженой... Что поделаешь: положение обязывает! Первой его супругой стала дочь князя А.Б. Горбатого-Шуйского из дома Суздальских князей. Звали ее Ирина, или, как тогда писали, Орина. От нее родился наследник князя и «преемник» его власти и влияния при дворе, Фёдор. Он был лишен честолюбия отца и его способностей. Однако Иван Фёдорович позаботился о том, чтобы сын его не потерпел ущерба в статусе. Первая жена Ивана Фёдоровича была в высшей степени «достойна» его по уровню родовитости: в 1547 г. ее призвали для участия в свадебном празднестве, когда брат царя, князь Юрий, женился на Ульяне Палецкой. Это была большая честь... Иван Фёдорович женился очень рано и прожил с супругою лучшие годы жизни. Она скончалась в 1566 г. После смерти Орины Горбатой князь, еще совсем не старый человек, женился на Анастасии Воротынской, родной племяннице другого знаменитого полководца – кн. М.И. Воротынского. Вторая жена не уступала первой в родовитости. Воротынские вышли из Черниговского княжеского дома и сохранили колоссальный удел, по сравнению с которым даже богатые вотчины Мстиславских выглядели жалкой пустошью. Сестра Анастасии в будущем станет царицей, – когда на русский трон взойдет первый и единственный Шуйский, ее муж, князь Василий Иванович...

По этим бракам – а они не составляли какого-то исключения, – видно: высшая аристократия стремилась сохранить определенную замкнутость, не выпускать власть за пределы

узкого круга родов. Иван Фёдорович обязан был блюсти аристократический обычай, хотел он этого или нет.

Очевидно, князь стал поздним ребенком. Дата и год рождения его неизвестны, как впрочем, и у подавляющего большинства русских полководцев XVI столетия. Но кое о чем можно догадаться по косвенным признакам.

Последнее командное назначение он получит в 1580 г. Именно тогда князь выступит в свой последний поход. В дальнейшем он, очевидно, по ветхости лет, уже не мог водить полки, а потому оставался в Москве. Сколько лет ему было тогда? Пятьдесят? Или, может быть, шестьдесят? С точки зрения XVI века – очевидная старость. Военачальник на седьмом десятке – явный нонсенс... Выходит, Иван Федорович мог родиться где-то между 1520 и 1530 гг. До смерти отца в 1540 м его не видно и не слышно. Нормальное положение – род представлен на государевой службе прежде всего старшим человеком. Но и после того, как скончался отец Ивана Федоровича, на протяжении долгих лет его нет в разрядах. Значит, он не служит. А вот это уже непорядок. Честь рода можно поддержать только пребыванием на военных и придворных чинах. Если никого из Мстиславских не видно, значит, род теряет влияние, – ситуация крайне неудобная! Ее может объяснить только одним: наследник еще очень юн. Рано мальчику на службу... А значит, он вдоволь накушался горького хлеба безотцовщины. И совсем немногому успел научить его родитель в трудной науке войны и управления людьми.

Лишь в 1547 г. Мстиславский в качестве рынды (оруженосца-телохранителя) сопровождает молодого царя в походе под Коломну. Это служба для молодых парней. Известно, как уже говорилось, что к тому времени он был женат. Отсюда можно сделать вывод: Иван Федорович родился в конце 1520х или в самом начале 1530х гг. Ивану IV он должен считаться ровесником.

Молодой человек очень хорошей крови сделал фантастическую, головокружительную карьеру. Такая карьера присниться не могла Дмитрию Ивановичу Хворостинину, и даже более высокородный Шуйский продвигался в чинах куда медленнее.

Юный Мстиславский еще в один поход отправился рындой, а в третьем, под Казань... числится воеводой и боярином. Ему около двадцати лет. В окольных, т. е. ступенькой ниже, князь не бывал, сразу поднявшись к высшему рангу служебной иерархии. И так, ему около двадцати лет, а выше двигаться некуда. Боярином Мстиславского сделали в 1548 или 1549 г.

Более того, в самом начале военной карьеры он оказывается на вершине военной иерархии, а не только думной. В 1549 г. его ставят первым дворовым (или, иначе, «дворцовым») воеводой в походе против казанцев. Иными словами, дали ему под команду «государев полк». Между тем в русской полевой армии того времени *высшими должностями считались именно посты первого воеводы большого полка и первого воеводы государева полка.*

Первые походы стали для Мстиславского хорошей и, к счастью, относительно безопасной школой. Больших сражений с татарами тогда не произошло. Он постепенно восполняет пробел в знаниях о военном деле, которые не мог получить из-за ранней смерти наилучшего наставника – отца.

Русская военная элита времен царствования Ивана Грозного выросла на войнах с татарами. Боевых столкновений с западными соседями в первую половину правления почти не было. В середине 1530х отгремела краткая Стародубская война с литовцами, да и всё, пожалуй. А вот угроза нападений со стороны казанцев, крымцев и ногайцев постоянно нависала на южными и восточными границами. Малые набеги в ту пору были частью повседневной жизни русской земли. *Их ждали всегда.* Тело русского государства можно уподобить пистолету, снятому с предохранителя. Оно готово было выстрелить полками на юг или на восток в любой момент. И первые десять лет службы молодого Мстиславского связаны были со степ-

ными пространствами, где летом в высоких травах таились банды крымских работорговцев, а зимой, по мерзлой корке застывших рек, бросалась терзать Россию казанская конница.

Воображаемый облик Гедимина, восходящий к изображению в хронике Алессандро Гваньини «Описание европейской Сарматии» (XVI век)

В 1550 и 1551 гг. он сидел первым воеводой в Туле и Пронске, поджидая неприятеля. В таком ожидании, сменявшимся стремительными бросками и жестокими боями, пройдет бульшая часть его жизни. Для разнообразия иногда его будут отправлять на Ливонский фронт, но... к нему и отношение у русской аристократии было другое. Ливонскую войну знатнейшие люди России считали чем-то не совсем обязательным. Дворянство искало там добычи, славы, новых поместий с трудолюбивыми местными землепашцами. Знать водила полки, подчиняясь воле царя. Но все-таки в Ливонию очень долго, примерно до времен Батория, больше ходили «погулять». Пограбить, прибрать тамошние городки «на великого государя». До Батория Ливонский фронт играл роль «поля чудес» для русской армии. От боевых действий в тех местах ждали побед и поражений, но все-таки не ждали смертельно опасной, тяжелой, бесконечно рискованной службы на границе с воинственной степью. Юг всегда был страшнее. Там смертушка то и дело заглядывала в самые очи. Если запад обещал лучшим честь и богатство, то юг для всех без различия был тяжелой работой, необходимой для выживания всего русского народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.